

**Отношения Россия – Европейский
союз в декабре 2006 г. – январе
2007 г.**

Информационно-аналитический доклад.

Москва

2007

Содержание.

I. Краткое содержание – общая оценка ситуации

II. Дипломатические отношения Россия-ЕС

2.1. Саммит Россия-ФРГ в Сочи 21 января 2007 года

2.2. Саммит Россия-Италия в Сочи 23 января 2007 года

2.3. Встреча главы МИД РФ С.В. Лаврова с «Тройкой» ЕС 5 февраля 2007 года

III. Отношения Россия-ЕС в области энергетики.

3.1. Представление КЕС «Плана действий» в области энергетики

3.2. Нефтяной и газовый споры России и Белоруссии и их последствия

1 Итоги российско-белорусского нефтяного спора

2 Реакция в ЕС на прерывание поставок нефти

3 Газовый спор России-Белоруссии

4 Последствия нефтяного и газового споров для России и ее отношений с ЕС

3.3. Использование КЕС Совета Европы для давления на Россию.

IV. Начало германского председательства в ЕС и отношения с Россией.

4.1. Приоритеты Берлина в отношении России и стран бывшего СССР.

4.2. Активизация политики в отношении России

4.3. Новая политика в отношении стран «соседства».

V. Прочие области двустороннего взаимодействия Россия-ЕС.

5.1. Проблема начала переговоров РФ-ЕС о новом стратегическом соглашении

5.2. Диалог в области сельского хозяйства

VI. Политика ЕС в отношении стран Центральной Азии и отношения с Россией.

I. Краткое содержание – общая оценка ситуации

В анализируемый период отношения Россия – Европейский союз (ЕС) отличались достаточно высокой интенсивностью политического диалога. Главными событиями января – февраля 2007 г. стали: состоявшаяся в Сочи 21 января 2007 г. встреча российского президента В.В. Путина с германским канцлером А. Меркель, последовавшая за ней 23 января в Сочи встреча президента РФ с премьер-министром Италии С. Берлускони, а также переговоры главы МИД РФ С.В. Лаврова с «Тройкой» ЕС, прошедшие в Москве 5 февраля 2007 года.

Главными вопросами повестки дня всех этих встреч, а также отношений Россия – ЕС в целом, стали: проблема нового стратегического соглашения, призванного заменить формально истекающий в декабре 2007 г. Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС); энергетическое взаимодействие РФ-Евросоюз; отношения сторон на пространстве бывшего СССР, в том числе применительно к моделям разрешения проблем «непризнанных государств» и влиянию в регионе Центральной Азии; поиск общих подходов к решению международных проблем, в первую очередь Косово.

Необходимо, однако, отметить, что значительных изменений по наиболее важным вопросам отношений в декабре 2006 г. – январе 2007 г. не произошло. Позиции сторон не продемонстрировали явной тенденции к сближению в таких значимых сферах взаимодействия, как судьба новой политико-правовой базы отношений и сотрудничество в области энергетики. Следует отметить, что к февралю 2007 г. несколько обострились уже имевшиеся к концу 2006 г. явные или потенциальные разногласия, в первую очередь – энергетика и отношения на пространстве бывшего СССР (Украина, Белоруссия, Молдова, Закавказье, Центральная Азия). Кроме того, окончательно обозначились новые области столкновений, прежде всего – вероятный сценарий урегулирования международно-политической ситуации вокруг Косово.

В целом, состояние отношений России и ЕС создает почву для искусственного, во многом, разделения переговорной повестки на политическую и экономическую составляющие в будущем. Учитывая реальный объем торгово-экономических связей и требования стратегии дальнейшей интеграции России в мировую экономику, возможно фактическое выделение торгово-экономического блока в отдельный переговорный «пакет» и даже достижение в его рамках прогресса, который может быть связан с принятием российской стороной ряда требований Евросоюза.

Особую значимость отношениям в анализируемый период придавал тот факт, что в январе 2007 г. к полугодовому председательству в ЕС приступила главный экономический и политический партнер России в ЕС - Германия. При этом отношения с Россией выступают одним из трех главных приоритетов ФРГ в качестве страны-председателя ЕС. В качестве подтверждения этому свой первый визит за пределы ЕС канцлер Германии А. Меркель совершила именно в Россию. Есть данные о том, что в ходе своего председательства в ЕС Берлин будет придерживаться в отношении Москвы прагматического курса, нацеленного на укрепление стратегического партнерства, решения возникающих проблем, в том числе в энергетике, посредством конструктивного

взаимодействия, а также на то, чтобы избегать в адрес РФ резких и политизированных оценок и выпадов.

И все же, ряд направлений германской политики вызывают определенную озабоченность, в особенности в контексте председательства. Прежде всего, это касается стремления Берлина существенным образом обновить политику «соседства» ЕС, а также усилить политические и экономические позиции Евросоюза в регионе Центральной Азии. В этой связи неясными остаются реальные возможности ЕС и Германии к усилению своих позиций в регионе, что требует существенных финансовых и кадровых инвестиций.

Некоторую озабоченность вызывает стремление Германии серьезно усилить восточный вектор политики «соседства», а также придать ей ярко выраженную энергетическую окраску. По сути, это означает активизацию политического и экономического проникновения ЕС в регион, рассматриваемый Россией как зона ее преимущественных интересов – страны Восточной и Юго-Восточной Европы: Украина, Белоруссия, Молдова, государства Закавказья. Это может обернуться усилением конкуренции России и ЕС в данных регионах.

Политика «соседства», по всей видимости, постепенно становится для ЕС частью стратегии обеспечения энергетической безопасности и преследует цель создания ориентированного на Евросоюз энергетического сообщества. Причем эта стратегия приходит в столкновение со стратегией обеспечения энергетической безопасности России и подрывает ее собственную политику консолидации трубопроводной системы бывшего СССР. С другой стороны, эта стратегия ЕС сочетается с его попытками навязать выгодный ему режим энергетического взаимодействия самой России.

В декабре 2006 г. – январе 2007 г. Евросоюз, при лидирующей роли ФРГ, впервые официально заявил о наличии у него политических и экономических интересов в регионе Центральной Азии, а также о решимости их продвигать путем углубления и интенсификации диалога с нынешними региональными элитами. Детальный анализ практических шагов ЕС в Центральной Азии показывает, что, несмотря на риторику, главные интересы Брюсселя и Берлина в этом регионе носят энергетический характер. Они заключаются в создании условий для строительства новых транскаспийских газопроводов, ведущих из стран Центральной Азии через Закавказье в ЕС в обход российской территории – проекты «Набукко» и «Транскаспийский». Примечательно, что сами центрально-азиатские страны, в первую очередь Казахстан, проявляют к этим проектам большой интерес. В случае, если политика ЕС в данном регионе будет успешной, политическое влияние в нем России сократится, возникнут трудности с реализацией российской энергетической политики на пространстве бывшего СССР.

В целом можно констатировать, что германское председительство, несмотря на общий позитивный тон, будет сопряжено с принятием ряда проблемных для России решений по вопросам энергетического и политического сотрудничества ЕС со странами бывшего СССР, ослабляющими влияние РФ в регионе. В этой связи в ближайшее полугодие следует прогнозировать усиление полускрытого соперничества, как в Центральной Азии, так и в западных регионах постсоветского пространства.

В анализируемый период продолжилось неформальное обсуждение нового базового соглашения Россия-ЕС, призванного заменить нынешнее Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), изначальный срок действия которого истекает в декабре 2007 года. Преимущественно, в особенности представителями ЕС, проблема нового договора затрагивалась в контексте энергетического взаимодействия и создания наиболее выгодного европейской стороне режима регулирования поставок нефти и газа из России на рынок стран-членов Евросоюза. Позиция Брюсселя, а также государств-членов ЕС, заключается в том, чтобы энергетический блок составлял центральную часть нового соглашения и детально прописывал обязательства России либерализовать собственный энергетический сектор, обеспечить свободный доступ европейского бизнеса не только в месторождения, но и в сферу транспортировки энергоресурсов.

В свою очередь, официальные представители России, сдержанно, если не негативно, относятся к идее превращения энергетического блока в центральную часть нового соглашения. Кроме того, со стороны РФ была акцентирована важность принятия нового Соглашения в целом, как свидетельства поступательной эволюции отношений Россия-ЕС и их дальнейшего сближения. В этой связи, российской стороной высказывалось мнение о необходимости емкого политического документа, дополненного затем секторальными соглашениями.

Обращает на себя внимание, что в декабре-январе российская сторона продолжила придерживаться весьма прагматичного подхода к новой политико-правовой базе отношений Россия-ЕС. Москва, отмечая общее желание начать формальные переговоры с КЕС, тем не менее, всячески подчеркивала отсутствие у нее причин для спешки и стремления начать переговоры и выйти на подписание документа любой ценой и как можно быстрее. Тем самым, избавляя себя от излишних уступок, как по частным, так и по общим вопросам повестки дня. Подобная постановка вопроса со стороны России представляется единственно правильной. Представляя польское вето на проект мандата КЕС как исключительно внутреннее дело Евросоюза, Россия автоматически избавляет себя как от необходимости делать какие-либо уступки как непосредственно Польше по вопросу сельхозпродукции, так и ЕС в целом по проблеме энергетического взаимодействия.

Однако, появляются вполне оправданные опасения, что КЕС удалось «запрограммировать» часть российской внешнеполитической и экономической элиты, в том числе на уровне глав министерств и ведомств, на реализацию выгодной ей повестки дня по новому соглашению с Россией. Об этом, в частности, свидетельствуют сделанные в январе-феврале 2007 г. заявления некоторых членов российского правительства и бизнес-элиты о том, что частью новой политико-правовой базы отношений РФ-ЕС должна стать договоренность о создании торгово-экономического режима, идущего в плане либерализации гораздо дальше правил ВТО, например, зоны свободной торговли. Это полностью отражает позицию Комиссии ЕС и представляет собой опасность как для энергетической безопасности России, так и для ее экономической безопасности в целом. Между тем, определенную уверенность на сегодняшний день внушает тот факт, что мнение РСПП и МЭРиТ о создании с ЕС зоны свободной торговли не является пока консолидированной позицией

российского Правительства, и оно не разделяется всеми заинтересованными министерствами и ведомствами.

И все же, главной проблемой отношений Россия-ЕС периода декабря 2006 г. – января 2007 г. оставалась энергетика, что было в немалой степени связано с пришедшимися на этот период газовым и нефтяным спорами РФ с одной из стран-транзитеров ее энергоносителей в ЕС – Белоруссией. Один из них обернулся перерывом в поставках российской нефти по трубопроводу «Дружба» с 8 по 10 января 2007 г., что вызвало в Евросоюзе немалое беспокойство и напомнило аналогичную ситуацию января 2006 г., когда из-за спора России и Украины прерывались поставки в ЕС российского газа. Причем, в отличие от российско-украинского газового спора 2005-2006 гг., а также сложных переговоров Москвы и Минска по цене на газ в декабре 2006 г., прекращение подачи нефти в страны-члены ЕС 8 – 10 января 2007 г. было неожиданным как для ЕС, так и для России. Тем самым, проблема энергетической безопасности, понимаемой в Брюсселе в том числе как установление косвенного контроля над импортом энергоресурсов из регионов бывшего СССР, стала для ЕС и германского председательства еще более актуальной.

Дополнительный резонанс российско-белорусскому спору в ЕС был придан также тем, что по времени он совпал с представлением КЕС «плана действий» в области энергетики, имеющего как внутривнеэвропейское, так и «внешнеполитическое» направление. Перебой в энергопоставках сам по себе указывал, какое из этих направлений особенно значимо. При этом известно, что намерения Брюсселя либерализовать внутренний энергетический рынок ЕС наталкивается на жесткое сопротивление государств-членов (в т.ч. председательствующей в Союзе Германии), а также, согласно социологическим опросам, не пользуется поддержкой населения Евросоюза. Соответственно, и внутренняя ситуация в ЕС, и российско-белорусский спор создали существенные предпосылки к тому, чтобы именно внешнее (и прежде всего постсоветское) направление политики ЕС в области энергетики стало главным и, по сути дела, единственно реальным.

Следует также подчеркнуть, что перебой в энергопоставках совпал с началом председательства в Евросоюзе Германии, одним из главных приоритетов которой заключается в обеспечении энергетической безопасности ЕС, прежде всего посредством выработки соответствующего выгодного Евросоюзу режима энергетического взаимодействия с Россией и странами бывшего СССР.

В январе 2007 г. Россия продемонстрировала высокую ответственность перед потребителями в странах ЕС, стремясь даже ценой существенных и отчасти неоправданных уступок не допустить (в случае с газом) или как можно быстрее прекратить (в случае с нефтью) перебои в энергопоставках через территорию Белоруссии. В обоих случаях Москва ради интересов потребителей пошла на значительные компромиссы, тем самым частично сохраняя субсидирование белорусской экономики.

Однако, несмотря на это, государства-члены ЕС и КЕС попытались использовать российско-белорусский спор в собственных интересах. Прежде всего, как повод к тому, чтобы в очередной раз заявить о якобы ненадежности России и постсоветского направления в целом как поставщика энергоресурсов,

продемонстрировать видимость активности в поиске альтернатив и, тем самым, использовать тему диверсификации как инструмент давления на Москву по выстраиванию выгодного Брюсселю режима энергетического взаимодействия. Иными словами, российско-белорусский нефтяной спор создал для Евросоюза внешнее указание на правильность проводимой им с начала 2006 г. политики давления на РФ по энергетическим и иным вопросам, а также предоставил удобный предлог для усиления этого давления.

Приходится констатировать, что в области PR и информационного обеспечения российская сторона, к сожалению, не извлекла необходимых выводов из последствий российско-украинского газового спора зимы 2005-2006 годов. Как и год назад, правильная по сути политика была во многом дискредитирована неэффективным информационным и PR сопровождением. Главный просчет, совершенный в ходе российско-белорусского спора Москвой, заключается в том, что прекращение поставок стало для ЕС полной неожиданностью, а также в дальнейшем молчании официальных представителей России или компании «Транснефть». В нынешнем году данная ситуация представляется особенно чувствительной на фоне тех уступок, на которые российская сторона пошла ради скорейшего возобновления поставок нефти.

Таким образом, в кратко- и среднесрочной перспективе имеет смысл ожидать как усиления требований ЕС по вопросам ратификации Договора к Энергетической хартии (ДЭХ) и транзитного протокола, включения основных их положений в новое стратегическое соглашение с Россией, становления энергетического блока центральной частью этого соглашения, так и еще большей активизации политики Евросоюза в странах бывшего СССР. Все это создает непростые условия для продолжения энергетического диалога РФ-ЕС, а также практически нивелирует вероятность выработки нового базового стратегического соглашения вместо СПС в краткосрочной перспективе.

Между тем, Белоруссия стала последней страной бывшего СССР, в отношении которой были отменены существовавшие длительное время энергетические субсидии. Таким образом, с завершением перестройки российско-белорусских энергетических отношений вероятность повторения временных кризисов с поставками энергоносителей из РФ в ЕС, аналогичных перебоям 2006 и 2007 гг., крайне мала. Это дает РФ возможность использовать в качестве аргумента в ходе энергетических переговоров с ЕС тезис о том, что отныне, после полного завершения реформы энергетических отношений со странами СНГ, ситуация с поставками нефти и газа будет предсказуемой. Тем самым, противостоя его стремлению либерализовать российский энергетический сектор. Наконец, было бы по меньшей мере странно уступать Брюсселю сейчас, после стабилизации ситуации с транзитом энергоносителей, при том, что Москва жестко отстаивала свою позицию в период реформ.

Политические последствия российско-белорусского нефтяного спора для России и отношений Россия-ЕС выражаются прежде всего в возможном изменении баланса политического влияния Москвы и Брюсселя в Восточной Европе. С одной стороны, был разрушен устойчивый как в России, так и на Западе стереотип о том, что Белоруссия является верным союзником РФ и проводит курс на реальное создание Союзного государства. Это открывает как перед государствами ЕС, так и США усилить собственное присутствие в этой стране и начать оказывать на белорусское руководство большее влияние.

Фактически речь идет о возможности «возвращения» Запада в Белоруссию, в которой он не присутствовал в течение последних нескольких лет. С другой стороны, разрушение этого стереотипа открыло новые перспективы для российско-белорусской интеграции и реального, а не мнимого усиления позиций РФ в Белоруссии уже после режима А.Г. Лукашенко.

Окончательные перспективы того, в какую сторону изменится баланс влияния в Восточной Европе, пока неясны. Они будут зависеть от того, насколько тонкую и умелую политику будут проводить в отношении Белоруссии Россия, страны ЕС и США, и кто из них быстрее и эффективнее сформирует новую лояльную себе белорусскую элиту, способную прийти к власти и осуществлять управление страной.

Примечательно, что на фоне продолжающегося субсидирования РФ экономики Белоруссии Минск развернул масштабную антироссийскую истерию, содержание и накал которой порой превосходит риторику наиболее недружественных в отношении России стран бывшего СССР (Грузия). Предлагаемые официальным Минском внешнеполитические и внешнеэкономические шаги также носят откровенный и резкий антироссийский характер. При этом утопические идеи (замена российских энергоносителей) сочетаются с весьма конкретными шагами, способными ослабить экономические позиции РФ в Белоруссии и подорвать экономическую стратегию российского руководства на пространстве бывшего СССР. Последнее в первую очередь относится к продаже части белорусской энергетической инфраструктуры европейскому капиталу.

Стало совершенно очевидно, что при нынешнем белорусском режиме выстраивание реального Союзного государства не возможно. Более того, продление жизни этому режиму будет вести к еще большему политическому и экономическому «уходу» Минска от Москвы. В этой связи не ясно, по каким рациональным мотивам продолжается пускай частичное и меньшее, но субсидирование белорусской экономики и де-факто продление жизни режима президента А.Г. Лукашенко за российский счет.

Ограничиваясь полумерами в отношении Минска и сохраняя льготные экономические условия для режима А.Г. Лукашенко, Москва рискует проиграть как на белорусском, так и на европейском направлениях. Критика и давление со стороны ЕС по энергетическим вопросам будут продолжаться, в то время как экономические активы в Белоруссии будут приобретаться европейским капиталом. Вслед за этим произойдет смена режима в этой стране на выгодных Брюсселю условиях (аналог «оранжевой революции»).

Вероятность того, что Брюссель и европейские энергетические компании попытаются воспользоваться предложенным А.Г. Лукашенко шансом получить долю в белорусской транспортной инфраструктуре, достаточно высока. Тем самым, Москве в кратко- и среднесрочной перспективе следует ожидать оживления энергетического диалога ЕС – Белоруссия с перспективой либерализации белорусских трубопроводов (принадлежащих ныне государству), однако без российского участия. Следует признать, что, если к политическим антироссийским заявлениям А.Г. Лукашенко можно относиться с определенной долей скепсиса, то его предложение о продаже энергетических активов европейским компаниям – прямой вызов российской энергетической

безопасности и стратегии.

Однако, для нынешнего белорусского руководства и лично президента А.Г. Лукашенко подобная игра представляется чрезвычайно опасной. Следует учитывать, что единственной гарантией надежности Белоруссии для Евросоюза как в политическом, так и в энергетическом отношениях, является смена режима и приход в этой стране к власти прозападного правительства. В случае, если белорусская энергетическая инфраструктура будет действительно либерализована и отдана под контроль западных корпораций, следующим шагом ЕС и США станет свержение нынешнего белорусского режима.

В анализируемый период попытки влияния Евросоюза на Россию по вопросам энергетики вышли за рамки двусторонних отношений. КЕС приступила к тактике подключения других международных организаций, имеющих к энергетической проблематике в лучшем случае косвенное отношение, с целью максимизации оказываемого на РФ политико-дипломатического нажима. При этом искусственно создается ситуация, при которой эти сторонние организации подвергают РФ за ее энергетическую политику весьма острой критике и нагнетают околоконфронтационную атмосферу, на фоне которой позиция самой КЕС внешне выглядит вполне конструктивно и дружелюбно.

В недавнем прошлом уже были прецеденты использования в качестве инструментов подобного многостороннего энергетического давления на РФ НАТО и ОБСЕ. В конце же января 2007 г. к этому была подключена Парламентская Ассамблея Совета Европы – организация, не имеющая к энергетике никакого отношения и традиционно занимающаяся проблемами демократии, прав человека, гражданского общества, верховенства закона, и так далее.

В период декабря 2006 г. – января 2007 г. стали проявляться некоторые негативные последствия проводимой в последние год-два политики ЕС в отношении России: жесткого давления по энергетике, предъявления необоснованных требований и необоснованных увязок в области гражданской авиации (проблема ТСМ, ее увязка со вступлением РФ в ВТО). Несмотря на значительные средства, вкладываемые Евросоюзом в создание благоприятного и привлекательного имиджа в странах-партнерах (и в мире в целом), а также попытки идейного программирования российской элиты, его политика привела к тому, что отношение россиян к ЕС заметно ухудшилось по сравнению с предыдущими годами.

Согласно опубликованному в феврале 2007 г. исследованию российского Левада-центра, 71 % россиян не считают себя ни европейцами, ни евразийцами, при этом 75 % заявили, что Россия имеет свой собственный, «особенный» путь развития. Действительно, лишь 19 % респондентов определенно поддерживают вступление России в Евросоюз, и 36 % полагают, что это было бы неплохим вариантом. Примечательно, что 45 % россиян, согласно опросу, видят в ЕС угрозу. Из них 25% опасаются потери РФ финансовой и промышленной независимости, 15 % - политической независимости, и еще 15 % - культурной самобытности. 8 % респондентов ответили, что видят в ЕС военную угрозу. По вопросу отношений РФ-Евросоюз мнение участников исследования разделились следующим образом: лишь 16 % граждан РФ считают эти отношения с Евросоюзом добрососедскими, а дружественными всего 6 %. При

этом 50 % респондентов назвали эти отношения нормальными и спокойными.

II. Дипломатические отношения Россия-ЕС.

2.1. Саммит Россия-ФРГ в Сочи 21 января 2007 года.

Наиболее заметным внешнеполитическим событием отношений Россия-ЕС анализируемого периода стал саммит РФ-ФРГ в Сочи, состоявшийся 21 января 2007 года. Канцлер Германии А. Меркель выступала на нем не только как руководитель своей страны, но и как Председатель Совета ЕС и «Большой восьмерки». Соответственно, повестка дня встречи включала в себя как двусторонние российско-германские вопросы, так и проблемы отношений Россия-Евросоюз, взаимодействия РФ и ФРГ в рамках «Большой восьмерки», а также обсуждение разного рода международных вопросов (Иран, Косово, Ливан, и так далее).

Главным пунктом повестки дня встречи стала проблема энергетической безопасности, и прежде всего недопущения в будущем перебоев поставок российских энергоносителей на рынок ЕС. В ходе переговоров с российским президентом А. Меркель в очередной раз призвала РФ ратифицировать ДЭХ, а также заявила о том, что ЕС, и Германия в частности, будут настаивать на том, чтобы выгодный Евросоюзу формат энергетического сотрудничества составил центральную часть нового стратегического соглашения РФ-ЕС после вместо истекающего в 2007 г. СПС.

Кроме того, германский канцлер особо акцентировала проблему своевременного информирования сторон о том, какие действия они намерены предпринимать в области энергетики, а также о возможных проблемах энергетического взаимодействия. А. Меркель выступила с инициативой создания между Россией и ЕС специальных консультационных и коммуникационных механизмов, которые позволили бы избегать ситуаций неопределенности и внезапности в будущем и обязывали бы стороны заблаговременно ставить друг друга в известность о своих планах и о том, что происходит или может произойти с поставками энергоносителей. «Я говорила о том, что коммуникация в такой ситуации должна быть улучшена, чтобы мы могли избежать беспокойства, и господин Президент это подтвердил», - заявила канцлер ФРГ о том, какие уроки следует вынести из перебоя в поставках нефти в ЕС в начале января 2007 года. Канцлер также предложила прописать создание данных механизмов в новом стратегическом соглашении Россия-ЕС.

В свою очередь, В.В. Путин в очередной раз разъяснил председателю Евросоюза смысл российской энергетической политики в отношении стран бывшего СССР, а также подтвердил намерение свести зависимость энергопоставок в ЕС от стран-транзитеров к минимуму. В этом контексте российский президент отметил важность Североевропейского газопровода, напрямую соединяющего РФ и Германию – главного потребителя российских энергоресурсов в Евросоюзе.

Что касается итогов саммита в Сочи, то они не отличались однозначностью. С одной стороны, сам факт состоявшейся уже в первый месяц германского председательствования встречи свидетельствует о значимости РФ как стратегического партнера Евросоюза, а также о решимости ФРГ проводить в отношении России прагматический курс, направленный на углубление этого

партнерства, в первую очередь в торгово-экономической сфере. Кроме того, была выполнена задача нормализации психологической атмосферы отношений РФ-ЕС после российско-белорусского нефтяного спора и перебоя в поставках нефти встречи. Тональность высказываний А. Меркель в ходе саммита в Сочи была гораздо мягче, нежели несколькими неделями ранее. При этом германский канцлер подтвердила стремление российской стороны доказать свою надежность как поставщика энергоносителей.

С другой стороны, серьезных подвижек в базовых подходах сторон к энергетическому взаимодействию не произошло. Германия не отказалась от попыток убедить РФ ратифицировать ДЭХ, а также от позиции, что принципы энергетического сотрудничества (в том виде, как они сформулированы в ДЭХ) должны быть отражены в новом базовом соглашении Россия-ЕС и составить его центральную часть. Со своей стороны, Россия в очередной раз не согласилась ни с тем, ни с другим. Следующий раунд обсуждения данного несогласия на высоком уровне состоится в ходе саммита Россия-ЕС в Самаре в мае 2007 года. Между тем, уже само по себе нежелание Москвы уступать Берлину по вопросам энергетики вполне можно рассматривать как положительный итог встречи.

Фактически, идея А. Меркель о создании механизмов своевременных консультаций и коммуникаций по вопросам энергетики стало единственным конкретным положительным результатом саммита. Судя по материалам российских СМИ, эта инициатива не вызвала у Москвы каких-либо принципиальных возражений.

В области международной повестки дня саммит 21 января вскрыл несогласие России и ЕС (а также России и Германии, в частности) касательно решения проблемы Косово. По данному вопросу Берлин склонен поддерживать предложения ООН в лице его представителя на переговорах между Белградом и Приштиной бывшего президента Финляндии М. Ахтисаари о предоставлении краю фактической независимости (при нахождении де юре в составе Сербии). В то время как Москва занимает позицию, более близкую Белграду, и выступает против «навязывания Сербии каких-либо решений извне». Равном образом А. Меркель и В.В. Путин не согласились в оценках российского сотрудничества с Ираном в военно-технической сфере. По мнению канцлера ФРГ, в нынешней ситуации вокруг ядерной программы Тегерана продажа ему российских ракет класса земля-воздух «посылает Ирану неверный сигнал».

2.2. Саммит Россия-Италия в Сочи 23 января 2007 года.

Другим заметным событием отношений Россия-ЕС периода декабря 2006 г. – января 2007 г. стала встреча президента РФ В.В. Путина с премьер-министром Италии Р. Проди, состоявшаяся в Сочи 23 января 2007 года. Как и в ходе переговоров с германским канцлером А. Меркель, в повестке дня саммита В.В. Путин – Р. Проди стояли вопросы как двусторонних российско-итальянских отношений и отношений Россия-ЕС, так и широкая международная проблематика.

И все же, одной из главных тем переговоров была энергетика. Как известно, Россия является одним из главных поставщиков энергоносителей на

итальянский рынок. При этом Р. Проди, как и его предшественник С. Берлускони, не склонен открыто критиковать Москву в связи с ее энергетической политикой, предпочитая действовать в прагматичном ключе взаимовыгодного сотрудничества. Так, премьер-министр Италии подчеркнул, что Некоторые итальянские компании планируют масштабные инвестиции в энергетический сектор российской экономики, приведя в качестве примера намерения компании ENEL. И все же, Р. Проди в ходе переговоров поддержал общую позицию ЕС в отношении энергетического взаимодействия с Россией и отметил, что именно энергетика должна стать основной частью сотрудничества Россия-ЕС.

В целом, саммит подтвердил преемственность российско-итальянских отношений после смены правительства в Риме в 2006 году. Италия продемонстрировала желание продолжить прагматическое сотрудничество с Россией, делая упор на взаимоотношения в области экономики, способствуя улучшению отношений РФ-Евросоюз в целом и не раздражая Москву критикой по чувствительным для нее вопросам внутривластного характера. Можно констатировать, что несмотря на уход С. Берлускони, считавшегося наиболее близким союзником нынешнего российского президента в ЕС (после экс-канцлера ФРГ Г. Шредера), Италия сохраняет курс на конструктивное взаимодействие с Россией и остается одним из наиболее дружественных и даже союзных РФ стран-членов Евросоюза.

2.3. Встреча главы МИД РФ С.В. Лаврова с «Тройкой» ЕС 5 февраля 2007 года.

Значимым событием дипломатических отношений Россия-ЕС анализируемого периода стала встреча Тройки министров иностранных дел России-ЕС 5 февраля 2007 г. в Москве. С российской стороны в ней принимал участие министр иностранных дел С.В. Лавров. Со стороны ЕС – глава МИД председательствующей в Евросоюзе Германии Ф.В. Штайнмайер, министр иностранных дел Португалии Л. Амадо, к которой председательство в ЕС перейдет во втором полугодии 2007 г., комиссар КЕС по внешним связям Б. Ферреро-Вальднер и Верховный комиссар по внешней политике и политике безопасности Х. Солана.

Главными вопросами повестки дня встречи стали отношения России - ЕС в сфере энергетики и перспективы выработки нового стратегического соглашения РФ-ЕС после 2007 года. Кроме того, обсуждались также международные вопросы, такие как ситуация на Ближнем Востоке, Иране, Косово. Наконец, представители ЕС подняли тему отношений РФ-ЕС на пространстве бывшего СССР - Закавказье, Молдова, а также вопросы отношений с Украиной и Белоруссией. Примечательно, что сразу после Москвы «тройка» ЕС направилась в Киев.

В ходе встречи представители Евросоюза вновь попытались оказать на РФ давление по вопросу нового соглашения, увязанного с энергетической проблематикой. Во-первых, Комиссия ЕС попыталась добиться снятия запрета России на импорт продукции животного и растительного происхождения из Польши, указав, что с Варшавой была проведена «большая работа». При этом

обращает на себя внимание, что КЕС добивается именно отмены российского эмбарго, а не вето, наложенного Польшей на проект мандата КЕС на ведение с Россией переговоров о новом соглашении. Иными словами, Брюссель стремится к тому, чтобы условия польского ультиматума Москвой были выполнены.

Во-вторых, на встрече 5 февраля 2007 г. представители Евросоюза в очередной раз подчеркнули, что энергетические положения должны стать центральной частью документа, при этом они должны основываться на принципах Договора к Энергетической хартии. Иными словами – предполагать выгодную Брюсселю либерализацию российского энергетического рынка и создавать условия для получения им косвенного контроля над импортом энергоресурсов из России и региона бывшего СССР в целом. «Новое соглашение России и ЕС должно отражать основные принципы Энергетической хартии и обеспечивать создание взаимовыгодных, прозрачных и недискриминационных условий сотрудничества», - заявила в этой связи комиссар КЕС по внешним связям Б. Ферреро-Вальднер.

В этом контексте комиссар указала на кратковременные перебои в поставках российской нефти в ЕС в начале января 2007 г. как якобы доказательство необходимости выстраивания выгодного ЕС формата энергетического взаимодействия Россией. Наконец, Б. Ферреро-Вальднер повторила ранее высказанный канцлером ФРГ А. Меркель тезис о целесообразности создания между Россией и ЕС специального механизма заблаговременных консультаций по энергетическим вопросам с тем, чтобы стороны могли заранее подготовиться к возможным внештатным ситуациям.

Однако, по всем этим вопросам встреча «тройки» закончилась для Евросоюза безрезультатно. Так, глава российского МИД заявил, что для устранения проблемы польского вето на переговоры Россия-ЕС по новому соглашению встречные шаги надо делать не Москве, а в первую очередь Варшаве. При этом министр ясно дал понять, что РФ в вопросе нового соглашения никуда не торопится и будет ждать, пока ЕС не решит свою внутреннюю проблему.

Москва также не уступила и по вопросу ДЭХ и включения ее положений в новое соглашение с ЕС, тем более в качестве центральной его части. «Мы не отрицаем принципы Энергетической хартии... Однако, некоторые ее механизмы, относящиеся к транзиту и инвестициям, неприемлемы для нас», - заявил по окончании встречи с европейской «тройкой» С.В. Лавров. Между тем, именно положения о транзите и инвестициях, позволяющие иностранному капиталу приобретать российские трубопроводы или строить новые, представляют для Евросоюза наибольший интерес.

В целом же стороны подтвердили, что Россия остается важнейшим энергопоставщиком на европейский рынок и будет оставаться им впредь, а также что энергетическое сотрудничество сторон имеет большие и позитивные перспективы. «Обе стороны взаимозависимы в этом вопросе. Россия остается и будет оставаться самым первостепенным поставщиком энергоносителей для ЕС», - заявил по итогам встречи Х. Солана. Он, и глава МИД ФРГ Ф.В. Штайнмайер выразили уверенность, что в скором будущем разногласия будут преодолены и переговоры по новому соглашению начнутся. В этой связи для России важно гарантировать то, чтобы этот прогресс достигался не за счет ее

законных интересов.

Как и в ходе саммита РФ-ФРГ в Сочи 21 января 2007 г., на встрече С.В. Лаврова с «тройкой» ЕС проявились некоторые разногласия России и Евросоюза к решению косовской проблемы. Брюссель намерен поддержать представленные специальным докладчиком ООН по Косово М. Ахтисаари рекомендации, российская же сторона считает это неправомерной.

Между тем, значимость косовской проблемы в иерархии внешнеполитических приоритетов ЕС будет возрастать. Х. Солана назвал решение этой проблемы «ключевой задачей ЕС в 2007 году». Действительно, согласно плану М. Ахтисаари, именно к Евросоюзу должно перейти управление этим краем. Однако, для этого нужна новая резолюция СБ ООН, принятие которой невозможно без согласия РФ (Китай уже дал понять, что будет голосовать по Косово так же, как и Россия). Ввиду же несогласия Москвы с самим планом, перспективы принятия новой резолюции маловероятны. Между тем, давление из Брюсселя будет продолжаться и нарастать. Не исключено, что Евросоюз будет пытаться обвинить Москву в «срыве» косовского урегулирования. Аналогичные предупреждения в адрес России уже высказывают на неофициальном уровне представители США.

Однако, следует подчеркнуть, что дипломатическая зависимость Евросоюза от позиции РФ по Косово дает последней серьезные переговорные козыри в иных вопросах повести дня Россия-ЕС. Так, имеет смысл увязать разрешение косовского урегулирования со смягчением позиции Евросоюза по новому стратегическому соглашению. К примеру, с согласием Брюсселя вынести выработку формата энергетического взаимодействия за пределы документа и выстроить само соглашение по секторальному принципу. На сегодняшний день вероятность подобной «сделки» невелика. Однако, жесткая позиция России как по новому соглашению с ЕС и энергетике, так и по Косово, все же будет склонять Евросоюз к тому, чтобы в конце концов пойти навстречу. При этом механическое снятие польского вето на переговоры без изменения базисных подходов КЕС к новому соглашению не следует рассматривать как достаточная уступка для более гибкой позиции РФ по Косово.

В ходе встречи представители Евросоюза попытались также убедить Россию в нецелесообразности предпринимать какие-либо шаги в отношении т.н. «непризнанных государств» Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье (как признание их независимости) в случае соответствующего решения по Косово. «ЕС считает, что каждая конфликтная и постконфликтная зона имеет свои особенности, и не существует единого решения, которое могло бы применяться во всех таких регионах», - говорится в этой связи в официальном коммюнике Еврокомиссии. При этом Брюссель предложил Москве решать эти проблемы совместно.

Российская же сторона в очередной раз указала на универсальность международного права и на то, что предоставление независимости Косово создаст соответствующий прецедент и для других регионов. Москва также с подозрением относится к возможной вовлеченности Евросоюза в решение территориальных конфликтов на пространстве бывшего СССР в целом. Так, уже на следующий день после встречи главы МИД России С.В. Лаврова с «тройкой» ЕС специальный представитель президента РФ по вопросам взаимоотношений с

Евросоюзом С.В. Ястржембский предостерег ЕС от вмешательства в попытку урегулирования «замороженных конфликтов» на территории бывших советских республик «за спиной» России.

III. Отношения Россия-ЕС в области энергетики

3.1. Представление КЕС «плана действий» в области энергетики.

В начале января 2007 г. Комиссия ЕС представила так называемый «План действий в области энергетики» – набор предлагаемых мер и подходов в осуществлении общей энергетической политики Евросоюза, провозглашенной весной 2006 г. на фоне беспокойства, вызванного перебоями поставок российского газа в ЕС в январе 2006 года. Несмотря на то, что в целом документ отличается размытостью и неточностью, он достаточно подробно касается проблемы поставок энергоносителей на рынок ЕС извне. Их безопасность названа в документе одним из трех главных вызовов энергетической безопасности Евросоюза.

В области внешней политики, в том числе на российском направлении, План действий предполагает такие шаги, как:

- 1 Диверсификация импорта энергоносителей, включая самого источника энергии, поставщика, транспортного маршрута и способа транспортировки.
- 2 Создание механизмов энергетической солидарности и взаимопомощи стран-членов ЕС в условиях энергетического кризиса. В документе отмечается, что в особенности это касается стран, зависимых преимущественно от одного конкретного энергопоставщика. Очевидно, что речь идет о странах ЦВЕ и Балтии, полностью зависящих от энергетических поставок из России.
- 3 Постепенное снижение односторонней зависимости стран ЦВЕ и Балтии от российских энергоресурсов и поставок. В Плате действий говорится о возможных поставках в эти страны газа из других регионов, а также о строительстве новых энергетических «хабов» и газохранилищ, в том числе терминалов по приему и переработке сжиженного природного газа. В документе КЕС нет уточнения о том, чем именно предполагается частично замещать российские энергоресурсы в странах-«новичках». При этом реальная вероятность реализации этих намерений в кратко- и среднесрочной перспективе весьма мала. И все же, это первое прямое указание на целесообразность снижения энергетической зависимости ряда стран-членов ЕС от России в официальном документе Еврокомиссии.
- 4 Усиление роли Договора Энергетической Хартии, что означает продолжение попыток заставить Россию пойти на его ратификацию.
- 5 Строительство новых транспортных магистралей из региона Центральной Азии в ЕС, идущих в обход России и контролируемых европейскими энергетическими компаниями.
- 6 Преодоление разногласий стран-членов Евросоюза в энергетических отношениях с внешними партнерами, в том числе с Россией. Вероятность реализации данного положения также весьма мала. Наиболее влиятельные государства Евросоюза склонны преследовать в первую очередь

национальные энергетические интересы как внутри ЕС, так и за его пределами. Даже несмотря на то, что, как правило, национальная внешняя энергетическая политика ряда стран-членов ЕС, в том числе Германии, призвана усилить достижение общих для Евросоюза целей, в том случае, если национальные интересы потребуют некоторого ущемления интересов других стран ЕС, выбор будет сделан в пользу национальных интересов. Так, Берлин продолжает поддерживать строительство Североевропейского газопровода несмотря на то, что против выступают большинство стран Центральной, Восточной и Северной Европы. И все же, по наиболее фундаментальным проблемам энергетических отношений Россия-ЕС (либерализация российской энергетической экспортной инфраструктуры) позиции отдельных стран-членов и Евросоюза в целом (выраженной КЕС) совпадают и взаимно усиливают друг друга.

- 7 Становление энергетики «центральной частью» всех внешних связей Евросоюза в целом. Это, указывается в документе, должно быть отражено в соглашениях ЕС с его главными внешними партнерами, в том числе с Россией.
- 8 Распространение правил и принципов внутренней европейской энергетической политики на соседние с ЕС страны, в том числе государства «соседства» и Россию. Целью, указывается в документе, должно стать «создание широкой сети стран вокруг ЕС, действующих на основе правил и принципов, основанных на энергетической политике ЕС». Главным из этих правил и принципов является либерализация. Тем самым, Брюссель подтвердил политику распространения собственных правил и норм на соседние страны, что приносит европейскому бизнесу существенные дивиденды и повышает его конкурентоспособность.
- 9) Все это означает, что главным содержанием политики «соседства», проводимой ЕС в отношении стран бывшего СССР, будет в кратко- и среднесрочной перспективе являться экстраполяция на них внутренних европейских правил и норм, в том числе в области энергетики. Примечательно также, что Брюссель стремится распространять внутриевропейские энергетические правила и нормы на государства «соседства» и РФ параллельно с тем, как они во многом отвергаются самими странами-членами ЕС внутри Евросоюза. В случае успеха данной стратегии доминирование европейских энергетических компаний на рынках стран бывшего СССР будет практически гарантировано.

3.2. Нефтяной и газовый споры России и Белоруссии и их последствия.

Итоги российско-белорусского нефтяного спора.

Прерывание поставок по нефтепроводу «Дружба» в ночь с 7 на 8 января 2007 г. вызвало в странах ЕС и в КЕС серьезную озабоченность. По нему поступает около 25% потребляемой Евросоюзом нефти. При этом для таких стран, как Польша, Австрия, Финляндия, Венгрия, страны Балтии, другие «новички» в ЕС, российские поставки составляют от 62% до 100% потребляемой нефти. Большая часть из них приходится именно на нефтепровод «Дружба». Он же составляет

существенную долю нефтяного импорта Германии.

Поставки нефти по данному трубопроводу не осуществлялись в течение двух суток – до 10 января 2007 года. В течение этого периода нефтеперерабатывающие заводы в Польше, Германии, Словакии, Венгрии и Чехии работали на резервном топливе, запас которого в разных странах варьировался от 80 до 121 дня.

Выход из кризиса обозначился утром 10 января 2007 г. после прямого телефонного разговора президентов России В.В. Путина и Белоруссии А.Г. Лукашенко. Тогда Минск отказался от требования к РФ уплачивать транзитную таможенную пошлину и закачал в трубопровод «Дружба» ранее отобранные им 79 тыс. тонн нефти.

В соответствии с достигнутой впоследствии в ходе межправительственных переговоров договоренности, Белоруссия отказалась от введенной ранее незаконной таможенной пошлины на российскую нефть, при этом стороны вернулись к практике раздела экспортной пошлины на нефтепродукты из Белоруссии, произведенные на основе российской нефти. Так, в 2007 г. 70% пошлины будет передано России, 30% — Белоруссии. В 2008 г. 80% — России, 20% — белорусской стороне. В 2009 г. 85% — России, 15% — Белоруссии. Параллельно Белоруссия гармонизировала ставки вывозных пошлин на нефть и нефтепродукты с российскими. Кроме того, согласно российско-белорусскому межправительственному соглашению, цена на российскую нефть для самой Белоруссии сохранилась как минимум на 120 долл. за тонну дешевле, чем для соседних государств. Таким образом, принятое решение носит по-прежнему компромиссный характер, и частично Россия продолжает субсидировать белорусскую экономику, хотя и в существенно меньших объемах, чем до 2007 года.

Однако, как представляется, несмотря на относительно скорое разрешение нефтяного спора и заключение межправительственного соглашения о поставках нефти, российско-белорусские торгово-экономические и прежде всего энергетические споры далеки от разрешения. Что, в свою очередь, ставит под удар надежность транзита через эту страну в ЕС российских энергоносителей.

Так, уже в начале февраля – менее, чем через месяц после возобновления транзита нефти и подписания соглашения об урегулировании российско-белорусского торгово-экономического сотрудничества в области экспорта нефти и нефтепродуктов, - Белоруссия в одностороннем порядке заявила о кратном увеличении тарифов на прокачку российской нефти через свою территорию. Причем, как подчеркнул 6 февраля 2007 г. глава Минпромэнерго РФ В. Христенко, Минск даже не предоставил Москве официальное уведомление об этом решении, и в Правительстве РФ узнали о нем через СМИ. Действительно, как заявили ряду информагентств днем ранее в Министерстве экономики Белоруссии, стоимость транзита российской нефти повысилась более чем на 30%.

Уже 6 февраля 2007 г. данное решение было косвенно подтверждено президентом Белоруссии А.Г. Лукашенко, сделавшим при этом ряд критических и резких выпадов в адрес России. Президент РБ откровенно подчеркнул, что намерен возместить 5 млрд. долл. убытков, понесенных в результате повышения

Россией цен на энергоресурсы в декабре – январе 2006-2007 гг., и для этого он обложит Москву транзитными пошлинами и вынудит ее платить Минску за сотрудничество в военной сфере. «Теперь, коли российский президент упомянул о переходе к рыночным отношениям, мы взамен попросим Россию платить нам в твердой валюте за услуги, которые раньше Москва получала бесплатно. Имеются ввиду транзит, военное сотрудничество и российский эксклав Калининград», - заявил А.Г. Лукашенко. Таким образом, очевидно, что Минск намерен любыми средствами компенсировать финансовые потери, понесенные вследствие нормализации российской стороной экономических отношений с Белоруссией, причем компенсировать за счет России.

Реакция в ЕС на прерывание поставок нефти.

Представляется, что действия российской стороны в ходе нефтяного спора с Минском были полностью оправданы. Более того, в ходе разрешения сложившейся ситуации Москва проявила существенную гибкость и ответственность перед европейскими потребителями, согласившись на продолжение частичного субсидирования белорусской экономики именно ради скорейшего возобновления работы нефтепровода «Дружба».

Однако, вместо того, чтобы выразить понимание и признательность Москве за ее стремление ценой собственных экономических интересов защитить бесперебойность поставок энергоносителей в ЕС, и страны-члены Евросоюза и КЕС заняли в ходе нефтяного кризиса и после его окончания весьма резкую и критическую в отношении России позицию.

Председательствующая в ЕС Германия в лице министра экономики М. Глосса уже 8 января 2007 г. в твердой форме потребовала от России и Белоруссии «незамедлительного и полного возобновления работы трубопровода». «Я призываю российское и белорусское правительства уважать свои обязательства по поставкам и транзиту», - подчеркнул министр. При этом М. Глосс высказал уже ставший традиционным в ЕС тезис о необходимости диверсифицировать поставщиков энергоресурсов. По его словам, «этот инцидент в очередной раз показывает, что безопасность наших поставок требует наличия очень сбалансированного набора энергоносителей и что мы не можем быть слишком зависимы от одного поставщика».

Еще более резкая реакция последовала от канцлера ФРГ А. Меркель. По ее словам, Россия, прекратив поставки нефти по трубопроводу «Дружба», «ударилась по больному нерву» и тем самым «разрушила доверие к себе». При этом канцлер, видимо, посчитала (при этом не имея на то каких-либо оснований), что Москва якобы специально спровоцировала ситуацию, аналогичную российско-украинскому газовому спору, открыто проигнорировав при этом интересы и озабоченность потребителей в ЕС.

«Германия в ходе своего шестимесячного председательства в Европейском союзе вплотную займется этим вопросом», – отметила А. Меркель, подчеркнув при этом, что будет придерживаться более жесткой позиции в отношении России, нежели Герхард Шредер. Канцлер уже дала поручение германской разведке BND разобраться в действительных причинах российско-белорусского

кризиса. Как заявил в этой связи глава службы внешней разведки ФРГ Э. Урлау, «Необходимо собрать и проанализировать всю информацию по поводу конфликта России и Белоруссии, с тем чтобы не допустить повторения подобных кризисов».

В дальнейшем тема российско-белорусского нефтяного спора была поднята А. Меркель в ходе переговоров с президентом РФ В.В. Путиным 21 января 2007 г. в Сочи. Однако, уже в гораздо менее наступательном и резком тоне.

Не менее острой стала реакция на нефтяной кризис Комиссии ЕС. Ее председатель Ж.М. Баррозу заявил: «У ЕС есть зависимость от энергии, и, как и в любых других случаях, гораздо хуже, когда вы в этой зависимости зависите от кого-то другого». Тем самым, глава КЕС вновь подчеркнул важность снижения зависимости Евросоюза от России в области энергетики. Следует указать, что на деле, с учетом объективного увеличения спроса в ЕС на энергоносители, это стремление принимает форму снижения зависимости Брюсселя не от российских энергоносителей как таковых, а от принимаемых в Москве решений по их транспортировке.

Со своей стороны, комиссар КЕС по вопросам энергетики А. Пиебалгс также потребовал от России и Белоруссии «срочных разъяснений» в связи с прерыванием поставок нефти. Под его председательством в Брюсселе было проведено специальное заседание с участием представителей стран-членов ЕС, в ходе которого обсуждался вопрос о возможности введения специальных «мер солидарности» в случае затягивания нефтяного кризиса. При этом, однако, комиссар попытался успокоить ситуацию, заявив, что причин для панических настроений нет, так как и Польша, и Германия, и другие затронутые перерывом в поставках нефти страны обладают достаточными резервами нефти.

Между тем, следует признать, что частично столь острая реакция со стороны ЕС была вызвана некоторыми не до конца продуманными действиями российской стороны. А именно – отсутствием должного информационного сопровождения принимаемых решений, не доведение до представителей ЕС информации о происходящих в российско-белорусских отношениях событиях не только заблаговременно, но даже и своевременно.

Так, известно, что первое официальное заявление «Транснефти» о прекращении поставок нефти по трубопроводу «Дружба», которое сделал вице-президент компании С. Григорьев, последовало около 20 часов после фактической остановки поставок. В течение почти суток представители КЕС, стран-членов ЕС и Международного энергетического агентства (МЭА) не получали от России и Белоруссии никакой официальной информации. «Мне просто не верится, что никто в Белоруссии и России не выступил с официальным заявлением. Это немыслимо. Это заставляет их выглядеть ненадежными поставщиками», - заявил в этой связи исполнительный директор МЭА К. Мандиль. По словам чиновника, «Когда поставщик собирается отключить ваш дом от электричества, вы ожидаете, что вас об этом оповестят по крайней мере за два дня, а также заверят, что проблема будет решена за пару дней. Это отсутствие информации со стороны России и Белоруссии гораздо хуже, чем само по себе прерывание поставок».

Аналогичные претензии к российской (и белорусской) стороне предъявил

комиссар КЕС по энергетике А. Пиебалгс, заявивший, что собственноручно пытался выйти на связь с российскими и белорусскими официальными лицами. Ту же претензию высказала официальная Варшава. Замминистра экономики страны П. Наимский заявил о России и Белоруссии, что «Они просто ненадежны, и ЕС должен быть к этому готов».

С другой стороны, вряд ли было оправдано с российской стороны уже в первом официальном заявлении говорить о том, что нефтяные поставки прекратила Россия в связи с несанкционированными отборами нефти белорусской стороной. При этом ни какие документальные свидетельства в пользу того, что в действительности транзит был прекращен на основании официального распоряжения белорусской стороны, С. Григорьевым приведены не были. Именно это позволило большинству наблюдателей в ЕС и США обвинить в прерывании поставок именно Россию.

Таким образом, информационный вакуум, в котором в течение определенного времени пребывали потребители нефти в ЕС, повлиял на тональность европейской реакции в еще большей степени, чем сам по себе факт прерывания поставок. Так, даже приветствуя прекращение нефтяного кризиса, глава КЕС Ж.М. Баррозу не преминул указать, что «надо сначала информировать партнера, а потом уже что-либо перекрывать».

Соответственно, была сформирована своего рода программа-минимум энергетической политики ЕС в отношении России: создание механизмов своевременных консультаций и информирования сторон о возможных перебоях в энергопоставках и о действиях сторон, а также вообще о намерениях сторон. Именно это, в частности, отстаивала канцлер ФРГ А. Меркель в ходе переговоров с российским президентом В.В. Путиным в Сочи. Кроме того, на улучшение информационной картины в области энергетики направлено содержащееся в представленном КЕС «Плане действий» в энергетической сфере предложение об учреждении института специальных «энергетических корреспондентов» Евросоюза. Эти корреспонденты, находясь в главных странах-поставщиках и транзитерах энергоресурсов в ЕС, призваны заранее информировать Брюссель о возможных перебоях в энергопоставках.

Газовый спор России-Белоруссии.

В декабре 2006 г. энергетический вопрос в отношениях Россия-ЕС выражался главным образом в обеспечении надежности и бесперебойности поставок российского газа по территории Белоруссии. Внешне ситуация изначально во многом напоминала украинский сценарий начала 2006 года. Ввиду явного нежелания белорусской стороны выстраивать реальную интеграцию с Россией, Москва решила отказаться (по крайней мере частично) от субсидирования белорусской экономики искусственно заниженными ценами на энергоносители и предложила Минску новую – рыночную – цену на газ. Это, как и ранее в украинском случае, вызвало острое недовольство белорусской стороны, которая до последнего отказывалась подписывать новый контракт на поставки российского газа с 1 января 2007 года.

Однако, в период декабря 2006 г. – января 2007 г. перебоя с поставками

российского газа через территорию Белоруссии не возникло. Ценой серьезной уступки с российской стороны Москва и Минск пришли к компромиссу и подписали контракт на поставки российского газа Белоруссии, а также контракт на его транзит в ЕС, за две минуты до Нового года.

В соответствии с договоренностью, Россия согласилась с белорусской оценкой стоимости «Белтрансгаза» в 5 млрд. долл. и обязалась выплатить 50% этой суммы (за приобретение 50% акций компании) деньгами равными долями в течение 4 лет. При этом «Газпром» не отказался от своего мнения о том, что данная цена явно и необоснованно завышена. Стоимость российского газа для белорусских потребителей составила с 1 января 2007 г. 100 долл. за 1000 кубометров, что, опять-таки, является с российской стороны уступкой. Наконец, стоимость транзита российского газа по территории Белоруссии составила 1,45 долл. за 1000 кубометров на 100 километров. Для сравнения, в 2006 г. она составляла 0,46 долл. за 100 км.

Официальная реакция КЕС на подписание соглашения и, тем самым, разрешение газового спора России и Белоруссии и обеспечение непрерывности транзитных поставок газа, была положительной. «Мы приветствуем достижение соответствующего соглашения и то, что не будет прерывания поставок газа. Мы не комментируем соглашение, которое достигнуто между третьими странами, но мы очень довольны, что оно было достигнуто и что поставки газа будут продолжаться непрерывно», - заявила в начале января 2007 г. официальный представитель Еврокомиссии Э. Адвин.

Кроме того, на специально созванном комиссаром КЕС по энергетике А. Пиебалгсом 4 января 2007 г. для обсуждения газовой проблемы заседании Координационной группы ЕС по газу, выработанные Москвой и Минском условия соглашений были признаны достаточными для обеспечения беспрепятственного транзита российского газа на рынок Евросоюза. Как заявил по его итогам официальный представитель КЕС Ф. Тарредльяс, «Общее впечатление, что те меры, которые приняты в плане обеспечения поставок газа, являются достаточными и адекватными».

Однако, даже несмотря на успешное разрешение российско-белорусского газового спора и позитивную реакцию из Брюсселя, действия российской стороны подверглись жесткой критике со стороны США. Уже 5 января 2007 г. официальный представитель госдепартамента США Ш. Маккормак открыто обвинил Россию в использовании энергоресурсов в качестве «политического рычага». «Совершенно ясно, что Россия пытается использовать собственные энергетические ресурсы в качестве политического рычага, в особенности по отношению к соседним государствам», - заявил дипломат. По его словам, «В прошлом году мы видели это по отношению к Украине, мы видели это по отношению к Грузии и сейчас мы видим это по отношению к Белоруссии. Это является уроком в плане важности сохранения и расширения множественных источников для поставок энергетических ресурсов, а также множественности средств доставки этих энергоресурсов».

Тем самым, сложилась парадоксальная ситуация. Соединенные Штаты, при всей сложности своих отношений с режимом А.Г. Лукашенко, в газовом споре России и Белоруссии де-факто заняли сторону Белоруссии. На одну ступень были поставлены действия РФ как во ношении союзного ей и враждебного

США Минска, так и в отношении проамериканских Тбилиси и Киева, пользовавшихся в ходе энергетических споров с Россией существенной политической поддержкой Вашингтона.

По-видимому, это говорит о том, что на Западе (и не только в США) формируется тенденция использовать любые сложности энергетических отношений России с соседями как повод для критики РФ и оказания на нее политико-дипломатического и информационного давления, причем вне зависимости от того, кто в этих спорах прав, а кто не прав. Соответственно, в случае возникновения аналогичных ситуаций страны Запада будут автоматически и «под копірку» обвинять РФ в энергетическом империализме с целью заставить ее в конечном счете либерализовать свой внутренний энергетический рынок и допустить западные корпорации как к энергетическим месторождениям, так и к транспортной инфраструктуре.

Последствия нефтяного и газового споров для России и ее отношений с ЕС.

Экономические последствия

Экономические последствия российско-белорусских энергетических споров конца 2006 – начала 2007 гг. главным образом заключаются в еще большей актуализации для ЕС проблемы диверсификации энергопоставщиков и использования ее в качестве средства давления на Россию. Эти споры подтвердили для европейского руководства актуальность проводимого уже начиная с января 2006 г. курса, направленного на приобретение европейскими компаниями и Евросоюзом в целом как единым потребителем косвенного контроля над импортом энергоресурсов из стран бывшего СССР. Этот контроль будет получен в случае, если российская трубопроводная система будет либерализована (ЕС сможет выбирать между разными компаниями и путями транспортировки), а также если будут выстроены новые трубопроводы в обход РФ, к примеру, из стран Центральной Азии.

Эта политика стала одним из главных приоритетов ЕС в отношении России и постсоветского пространства в целом уже в январе 2006 г., после российско-украинского газового кризиса. Маловероятно, что споры России и Белоруссии декабря 2006 г. - января 2007 г. добавят этой политике какие-либо существенные новые направления. Скорее всего, будут в значительной степени интенсифицированы и усилены уже имеющиеся. А сама энергетическая составляющая отношений Россия-ЕС в еще большей степени укрепитя на повестке дня.

Это может привести к некоторому снижению в кратко- и среднесрочной перспективе интенсивности взаимодействия в иных областях повестки дня, прежде всего политических. Так, меньшее значение ЕС будет уделять международному сотрудничеству с РФ в решении актуальных проблем международной безопасности.

Следует ожидать еще большего усиления давления на Россию со стороны КЕС и стран-членов ЕС по вопросу ратификации ей ДЭХ. Параллельно будет усилено давление Брюсселя по включению выгодных ему положений

энергетического взаимодействия в новый базовый договор с Россией. Вариант того, что со временем Евросоюз смягчит это требование или откажется от него вовсе, стал в результате нефтяного и газового споров маловероятным (однако, не исключен вариант торга с ЕС по проблеме Косово). Также снизилась вероятность сценария выноса энергетической компоненты из политико-правовой базы отношений (базового соглашения) и согласования с Россией отдельного – энергетического – договора уже после Соглашения о стратегическом партнерстве.

Тем самым, с учетом нежелания России в одностороннем порядке лишать себя преимуществ контроля над экспортируемыми энергоресурсами, можно прогнозировать, что переговоры по новому базовому соглашению Россия-Евросоюз будут вестись чрезвычайно трудно и долго. Скорее всего, на его выработку, согласование и введение в силу потребуется не один год. При этом все это будет сопровождаться периодическими заявлениями о «ненадежности» РФ как поставщика, о том, что ее репутация в значительной мере подорвана, и что Евросоюзу целесообразно ускорять политику диверсификации источников энергоресурсов, - с целью оказания на РФ соответствующего давления.

Наконец, как следствие российско-белорусских споров, будет интенсифицирована политика ЕС в отношении стран Закавказья и Центральной Азии. Прежде всего, с целью создания новых трубопроводов из Каспийского бассейна в ЕС, не зависящих от России. Германское председательство в Евросоюзе провозгласило данный приоритет еще до того, как поставки российской нефти в ЕС были временно прерваны в январе 2007 года. До настоящего времени политика ЕС в регионе Центральной Азии носила в большей степени «зондирующий» характер и выражалась в установлении более тесных и доверительных политических контактов, обсуждении перспектив создания новых трубопроводов (без обязательного принятия решений здесь и сейчас), формировании более интенсивных и постоянных диалогов. Теперь же, как сроки выполнения поставленных ЕС целей, так и интенсивность этой политики, могут измениться.

Следует подчеркнуть, что центральноазиатский и закавказский вектор политики ЕС на пространстве бывшего СССР будет усиливаться по мере пробуксовки двустороннего энергетического диалога ЕС с Россией, дальнейшего отказа последней ратифицировать ДЭХ и, наконец, затягивания переговоров РФ-Евросоюз по новому соглашению в связи с энергетической проблематикой.

Политические последствия

В результате российско-белорусских споров конца 2006 г. – начала 2007 г. окончательно развеялись иллюзии части российской политической элиты касательно интеграционных устремлений нынешнего белорусского руководства. В полной мере проявилась способность и готовность Минска нанести существенный политический и экономический урон России в случае, если этого требуют интересы консолидации личной власти президента А.Г. Лукашенко. Данная ситуация подтверждает теоретический тезис о том, что авторитарный характер сегодняшнего белорусского режима в принципе не совместим с интеграцией и с реальным построением союзного государства.

Поэтому максимум, на что РФ может рассчитывать при сохранении в

Белоруссии власти А.Г. Лукашенко – это продолжение ее неясного балансирования между Россией и Западом. При этом внешне пророссийская риторика Минска будет по-прежнему оплачиваться значительными субсидиями из Москвы. Реальных же действий в области интеграции и создания Союзного государства в условиях сохранения в Белоруссии нынешнего режима предприниматься не будет.

Вместе с тем, реальные шансы российско-белорусской интеграции после нефтяного 2007 г. кризиса возросли. Россия послала четкий сигнал о том, что впредь не будет за собственный счет субсидировать белорусский режим без каких-либо встречных шагов со стороны Минска в области реальной интеграции и выстраивания союзного государства. При этом частичное сохранение субсидирования является трудно оправдываемым «жестом доброй воли» Евросоюзу, особенно ввиду того, что он не был оценен в ЕС. Сохранение субсидий может иметь основания лишь в том случае, если они будут использоваться как своего рода задел на «переходный период» в российско-белорусских отношениях, в ходе которого будет проводиться активная работа по выращиванию новой пророссийски ориентированной белорусской элиты.

Наконец, российско-белорусские энергетические споры открыли возможности для усиления экономического и политического влияния ЕС в Белоруссии. Несмотря на относительно благополучное и выгодное для Минска разрешение спора, Белоруссия стала активным образом создавать видимость внешнеполитической и потенциально экономической переориентации с России на страны ЕС и даже США. В течение анализируемого периода президент РБ А.Г. Лукашенко сделал рекордное даже для наименее дружественных РФ стран число антироссийских заявлений. При этом им использовались самые распространенные в странах Запада и, соответственно, понятные для западной аудитории, антироссийские штампы.

В частности, в интервью немецкой Die Welt А.Г. Лукашенко заявил о «коварном замысле отобрать независимость Белоруссии окольным путем», о том, что «Россия играет своими новыми энергетическими мускулами и полагает, что снова может завоевать весь мир», что «сегодня Россия использует энергетические ресурсы как рычаг давления в мировой политике», что российский президент «сегодня снова хочет объединить славянский мир», и так далее. Одним словом, белорусский лидер привел как раз те аргументы, которые обычно воспроизводятся наиболее антироссийскими силами в странах ЕС и в США.

Кроме того, белорусский президент послал странам ЕС и США четкие сигналы о том, что желал бы как улучшить с ними политические отношения, так и усилить их экономическое присутствие в экономике Белоруссии как некую гарантию от поглощения последней Россией. Этот тезис также, очевидно, был воспринят в европейских столицах и в Вашингтоне с большим одобрением и пониманием.

Так, А.Г. Лукашенко призвал Евросоюз отменить запрет на въезд в ЕС высокопоставленных белорусских чиновников (включая его самого) и активизировать политический диалог. Этот диалог, по мнению белорусского лидера, должен строиться на основе признания важной роли, которую его страна якобы играет в обеспечении безопасности и стабильности в Европе.

Прежде всего – в плане защиты восточных границ Евросоюза. Очевидно, А.Г. Лукашенко имел в виду нестабильность и угрозы, которые исходят из России и которые, по его словам, «сдерживают» Белоруссия.

Наконец, А.Г. Лукашенко предложил компаниям из ЕС и США приобрести долю в белорусских энерготранспортных системах. «Энергетический конфликт с Россией показал, насколько Белоруссии нужны инвесторы из Европы и США. Если бы западные энергетические концерны имели долю в белорусских энерготранспортных системах, Россия не была бы по отношению к нам настолько жестокой», - отметил президент Белоруссии.

Этот шаг свидетельствует о стремлении А.Г. Лукашенко заключить с ЕС своеобразное «джентльменское соглашение»: Минск полностью отдает свою энергетическую инфраструктуру под контроль Брюсселя, в то время как последний гарантирует сохранение (и продление) политической власти нынешнего президента. Для России это будет означать не только экономическое выталкивание из Белоруссии, развитие последней по украинскому сценарию, но и серьезный удар по намерению консолидировать по крайней мере газовую инфраструктуру стран СНГ под контролем «Газпрома». Для ЕС же подобное развитие означало бы серьезное усиление энергетической безопасности и успешную реализацию внешней энергетической политики. По имеющимся сведениям, в январе-феврале 2007 г. между официальными представителями Белоруссии и Евросоюза, в т.ч. председательствующей в нем Германии, уже состоялись ряд неформальных консультаций по вопросу приобретения европейскими компаниями доли в энергетической инфраструктуре РБ.

3.3. Использование КЕС Совета Европы для давления на Россию.

На зимней сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) 2007 г. под давлением депутатов от стран-членов ЕС одним из центральных пунктов повестки дня стало энергетическое взаимодействие ЕС с Россией. То есть, отношения РФ с совершенно иной международной организацией в чуждой Совету Европы плоскости.

Примечательно, что докладчиком ПАСЕ по энергетическим отношениям ЕС с Россией был депутат от Эстонии М. Михельсон – один из наиболее последовательных критиков РФ и представитель одной из наиболее недружественных России стран в Совете Европы (и Евросоюзе). Докладчик подверг Россию критике и заявил о существовании «угрозы использования энергообеспечения в качестве инструмента политического давления», тем самым воспроизведя типичный для критиков российской энергополитики аргумент, наиболее активно используемый и странами ЦВЕ и Балтии, и США еще с января 2006 года.

Кроме того, М. Михельсон заявил о необходимости «создания общеевропейской рабочей группы для налаживания диалога по вопросам энергобезопасности в Европе в целях выработки общей стратегии, основанной на уважении принципов рыночной экономики и учета интереса заинтересованных сторон». Тем самым, предлагая создать дополнительный постоянно действующий механизм нажима на Россию в выгодном для

Евросоюза ключе. Наконец, эстонский депутат прямо поддержал энергетическую стратегию ЕС в отношении России и заявил, что «Ассамблея считает необходимым обеспечить ратификацию договора об Энергетической хартии Россией и Норвегией, а также обеспечить завершение подготовки транзитного протокола к этой хартии».

Доклад был подвергнут оправданной критике со стороны российской делегации в ПАСЕ. Маловероятно также, что создание дополнительного механизма давления на РФ приведет к желаемому в Брюсселе результату. Скорее всего, это обернется лишь дальнейшей дискредитацией ПАСЕ в глазах российского политико-образующего класса. Между тем, можно с определенной долей уверенности утверждать, что энергетическая проблематика будет регулярно подниматься в рамках ПАСЕ в соответствующем ключе. В интересах же Москвы делать акцент на то, что энергетика не имеет к традиционной повестке дня Ассамблеи никакого отношения, тем более в контексте взаимодействия России с другой международной организацией.

IV. Начало германского председательства в ЕС и отношения Россия-Евросоюз

4.1. Приоритеты Берлина в отношении России и стран бывшего СССР.

За исключением вопроса Европейской конституции, все главные приоритеты германского председательства в ЕС прямо или косвенно связаны с Россией, а также с энергетической проблематикой, в которой Россия и ее отношения с ЕС играют определяющую роль. Этими приоритетами являются:

- 1 обеспечение энергетической безопасности Евросоюза, в том числе и в первую очередь посредством углубления и интенсификации энергетических диалогов со странами-поставщиками энергоресурсов и транзитными государствами;
- 2 перенос фокуса политики «соседства» с южного на восточное направление – страны бывшего СССР, а также серьезное усиление в ней энергетической компоненты, распространение на эти страны внутренних для ЕС энергетических правил и принципов;
- 3 укрепление стратегического партнерства ЕС с Россией, и прежде всего партнерства в области энергетики, а также выработка нового базового соглашения РФ-Евросоюз после формально истекающего в 2007 г. СПС с акцентом на энергетическое взаимодействие;
- 4 установление более тесных отношений со странами Центральной Азии, развитие с ними как политического, так и энергетического диалога с выходом на возможность строительства новых газопроводов в ЕС в обход российской территории.

Обращает на себя внимание, что проблема энергетики проходит красной нитью через все эти приоритеты. За исключением вопроса Конституции ЕС она является для германского председательства центральной. При этом с определенной долей уверенности можно утверждать, что реальная нацеленная на результат работа ФРГ будет сосредоточена не столько на конституционном вопросе, сколько на проблеме энергетической безопасности и отношениях со странами бывшего СССР, и прежде всего Россией и странами Центральной Азии.

Действительно, уже в самом начале своего председательства глава МИД ФРГ Ф.В. Штайнмайер заявил, что, несмотря на амбициозность германской повестки дня вряд ли стоит ожидать выполнения всех намерений. Это в первую очередь касается конституционного вопроса. В Берлине неофициально признают, что с учетом намеченных на май президентских выборов во Франции шансы добиться какого бы то ни было прогресса по Конституции до того крайне малы даже в ходе закрытых межправительственных консультаций. Остающийся же после выборов срок до июньского саммита ЕС слишком мал, чтобы успеть согласовать некую «дорожную карту» выхода из конституционного кризиса. В случае же, если победу на выборах одержит консервативный кандидат Н. Саркози, активно отстаивающий идею «мини-договора», шансы Берлина на согласование позиции, хотя бы приближенной к общеевропейскому

компромиссу, станут нулевыми.

4.2. Активизация политики в отношении России.

Стремление ФРГ укрепить стратегические отношения Россия-ЕС предоставляет Москве как весомые шансы, так и некоторые риски. С одной стороны, не может не обнадеживать уверенность Берлина в том, что стратегические отношения Россия – Евросоюз должны развиваться и укрепляться вне зависимости от внутривнутриполитической конъюнктуры в России. Об этом, в частности, свидетельствуют заявления ведущих политических деятелей ФРГ, и прежде всего главы германского МИД Ф.В. Шайнмайера. Так, выступая в Европейском парламенте 23 января 2007 г., министр заявил, что «В отношении России СМИ проявляют определенный тренд к истерике, в то время как необходимо вернуться к здравому смыслу». По его мнению, «у европейцев есть интерес к поддержанию активных отношений с Россией, а это означает не только критику, но активную европейскую политику». В ряде случаев эта логика присутствует и в рассуждениях канцлера страны А. Меркель, которой ранее приписывали более жесткий стиль отношения к Москве.

Тем самым, Германия отстаивает проведение в отношении РФ прагматического курса, нацеленного на расширение сотрудничества в тех сферах, где это представляет взаимный интерес и выгоду, а также стремится перенести центр тяжести отношений Россия-ЕС на область экономики и прежде всего энергетики. В целом это соответствует интересам России.

С другой стороны, нельзя не признать, что в ряде случаев форма и содержание отношений ЕС и России, предлагаемые Берлином, не во всем устраивают Москву. Так, Германия вовсе не отказывается от цели убедить Россию ратифицировать Договор к Энергетической хартии и транзитный протокол к ней, ликвидируя тем самым монополию «Газпрома» на российские магистральные газопроводы. Напротив, именно в этом, по мнению Берлина, должен заключаться «прогресс» энергетического диалога с Россией. Другое дело, что нежелание РФ ратифицировать ДЭХ не является для Германии препятствием для плодотворного энергетического сотрудничества с Россией по иным направлениям (Североевропейский газопровод, и так далее).

Равным образом, стремление Берлина как можно скорее выработать новое стратегическое соглашение Россия-ЕС предполагает обязательное условие включения в него раздела, фиксирующего выгодные ЕС принципы энергетического взаимодействия. Причем этот раздел, по мнению Германии, должен быть центральным и ключевым для нового документа. Это ни коим образом не соответствует российским интересам и ее видению энергетических отношений с ЕС и странами бывшего СССР.

Примечательно также, что в официальных Приоритетах германского председательства в ЕС положения, касающиеся отношений с Россией и странами бывшего СССР отнесены в раздел «Расширение ЕС и расширение европейской зоны безопасности и стабильности», в котором речь также идет о стабилизации Западных Балкан, Косово и программе «соседства» ЕС, а не в раздел «Отношения со стратегическими партнерами». Последний касается

развития диалога Евросоюза с США, Китаем, Японией и Индией.

Тем самым, возникает впечатление, что для германского председательства РФ представляется не одним из независимых стратегических партнеров (или, иными словами, независимых центров силы в мире) наряду с Америкой, Китаем и т.д., а частью «большой околоевропейской зоны», центром которой является сам ЕС, а другие страны (как государства «соседства») – ее периферией.

Именно этот подход, по всей видимости, страны-члены ЕС, в том числе Германия, хотели бы заложить в новое стратегическое соглашение с Россией. Для них нежелательна модель отношений с РФ как с одним из не связанных с ЕС мировых центров силы: США, Китай, Япония, Индия. Однако, подобный подход не соответствует интересам России.

Фактически, продолжается приравнивание России к странам «соседства» и проведение по отношению к ней соответствующей политики, несмотря на ее официальное неучастие в данном направлении деятельности ЕС.

Кроме того, диспропорциональный упор Германии на энергетическое сотрудничество может привести к некоторому сокращению политического сотрудничества ЕС с Россией в решении глобальных проблем и вопросов безопасности. К примеру, в части взаимодействия с другими странами и организациями по вопросам разрешения кризисов приоритеты председательства ФРГ указывают необходимость усиления «стратегических партнерств» ЕС с НАТО, ООН и США. Россия же как партнер для совместного проведения антикризисных операций и миссий государственного строительства не упоминается в документе вовсе.

4.3. Новая политика в отношении стран «соседства».

Новая политика «соседства», в соответствии с германскими предложениями, предполагает существенную активизацию как политического, так и экономического взаимодействия Евросоюза со странами бывшего СССР. В области политики безопасности и внешней политики предлагается усилить участие ЕС в урегулировании проблемы «непризнанных государств» и восстановления территориальной целостности Грузии и Молдовы. В частности, отмечается целесообразность проведения многосторонних переговоров стран-членов ЕС с данными, а также близлежащими государствами. Говорится также о создании нового формата как регулярных, так и незапланированных переговоров ЕС со странами бывшего СССР на уровне министров иностранных дел. «Новые встречи с министрами иностранных дел стран Восточной Европы должны означать более активную роль ЕС в урегулировании конфликтов в этом регионе», - заявила в этой связи комиссар КЕС по внешним связям Б. Ферреро-Вальднер. Известно, что Россия уже продемонстрировала весьма осторожное отношение к данной инициативе Берлина и Брюсселя.

Кроме того, в рамках политики «соседства» Берлин выдвинул идею присоединения Евросоюза к Организации черноморского экономического сотрудничества (включающую Россию, Украину, Молдову, Грузию, Армению,

Азербайджан и Турцию) в качестве наблюдателя.

Примечательно, в рамках новой политики «соседства» активизировать политические контракты ЕС предлагается также с Белоруссией. Вполне вероятно, что российско-белорусские газовый и нефтяной споры декабря 2006 г. и января 2007 г., а также позиция в отношении России, занятая в декабре 2006 г. – январе 2007 г. официальным Минском, создаст для этой активизации серьезные предпосылки.

В области экономики новая политика «соседства» будет ориентирована на создание со странами-участницами зоны свободной торговли на основе гармонизации их законодательства с нормами и принципами ЕС, а также на распространение на эти государства европейских стандартов в области энергетики. Речь в первую очередь идет о присоединении стран «соседства», являющихся попутно главными транзитерами импортируемых ЕС российских, центрально-азиатских и закавказских газа и нефти, к европейскому Договору об энергетическом сообществе (ДЭС). Эта идея, как известно, была официально оглашена в конце января 2007 г. на Совете ЕС на уровне министров иностранных дел под председательством Германии.

В случае присоединения стран «соседства» к ДЭС, на них автоматически распространятся действующие в ЕС либеральные правила энергетического взаимодействия, в том числе в области транзита и поставок энергоресурсов, открытости и владения трубопроводами, и так далее. В результате энергетические компании стран-членов ЕС получают на рынках стран «соседства» серьезные конкурентные преимущества, и энергетическая инфраструктура стран бывшего СССР постепенно перейдет под косвенный контроль Брюсселя. Последнее станет серьезным вызовом российской энергетической безопасности, увязанной со стремлением Москвы поставить энергетическую инфраструктуру стран региона под свой, а не европейский контроль.

Обращает на себя внимание, что приоритет энергетической компоненты новой политики «соседства» ЕС был верно отмечен Украиной, выразившей свое разочарование тем, что эта политика не дает никаких гарантий вступления стран-участниц в ЕС и, наоборот, во многом выступает заменой подготовки к полномасштабному членству в Евросоюзе. Как указал посол Украины в ЕС Р. Шпек, Брюссель «выдергивает» соответствующие его интересам реформы – в первую очередь в области энергетики – и игнорирует другие области взаимодействия, как, например, визовый вопрос.

V. Прочие области двустороннего взаимодействия Россия-ЕС.

5.1. Проблема начала переговоров РФ-ЕС о новом стратегическом соглашении.

В анализируемый Россия продолжала занимать в отношении нового стратегического соглашения с ЕС весьма прагматичную позицию и воздерживалась от каких-либо необоснованных уступок Брюсселю. В частности, в конце января 2007 г. глава МИД РФ С.В. Лавров недвусмысленно дал понять, что Россия никуда не торопится, и начнет переговорный процесс с Брюсселем лишь тогда, когда он сам будет к этому готов. «Новое соглашение нужно нам ровно в той же мере, в какой оно нужно Евросоюзу. Поэтому, как только внутри ЕС исчезнут искусственные препятствия на пути к началу переговоров, мы будем к этому готовы», - заявил министр. Аналогичным образом ситуацию прокомментировал Постоянный представитель России при ЕС В.А. Чижов. По его мнению, причиной того, что переговоры по новому договору все еще не начаты, выступают внутренние разногласия внутри ЕС, а потому Москва будет спокойно ждать, пока они будут преодолены.

Надо сказать, в самом ЕС всячески противятся подобной постановке вопроса и пытаются представить проблему польского вето не как внутреннее дело ЕС, а как вопрос отношений Россия – Европейский союз в целом. Тем самым, пытаются доказать, что его решение зависит в том числе и от России, и что ей следует сделать какие-либо шаги навстречу Варшаве и Брюсселю. В частности, именно так проблему откладывания формальных переговоров по новому договору РФ-ЕС представила на российско-германском саммите в Сочи 21 января 2007 г. канцлер ФРГ А. Меркель.

Между тем, в период декабря 2006 г. – января 2007 г. в части российской политической элиты, представленной либеральными экономистами, оформилась точка зрения, что новое соглашение с ЕС должно предусматривать серьезную либерализацию торгово-экономических отношений Россия-Евросоюз, причем идущую дальше правил ВТО. По сути, речь идет о создании между Россией и ЕС режима свободной торговли и его закреплении новым стратегическим соглашением.

В частности, выступая в конце января 2007 г. на Давосском форуме, глава МЭРиТ Г.О. Греф заявил, что новое соглашение должно «предусматривать большую либерализацию в торговле, идущую дальше ВТО». При этом министр подчеркнул, что новый договор будет носить всеобъемлющий характер. Еще более определенно аналогичную точку зрения высказал глава Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) А. Шохин, заявивший в январе 2007 г., что новое соглашение с ЕС будет иметь смысл лишь в том случае, если будет предусматривать «более продвинутые формы сотрудничества по сравнению с содержащимися в актах по вступлению в ВТО». В качестве примера глава РСПП назвал модель создания с ЕС свободных экономических зон.

Следует особо подчеркнуть, что подобная позиция полностью отражает подход к новому соглашению Комиссии ЕС. Именно КЕС уже осенью 2006 г. активно выступала за то, чтобы новый договор носил всеобъемлющий (а не

секторальный) характер, что серьезно облегчает Брюсселю работу по получению уступок в важных для него областях взаимодействия, увязывая один вопрос с другим. Кроме того, именно Комиссия ЕС выдвинула инициативу создания с Россией зоны свободной торговли как часть нового формата отношений «после СПС».

Создание в нынешних условиях подобной зоны нанесет серьезный удар по конкурентоспособности российских предприятий. Прежде всего, перерабатывающей и высокотехнологической промышленности. Кроме того, подобный режим неизбежно приведет к либерализации российской энергетической отрасли, причем как добывающей, так и транспортной ее части. Не исключено также, что идея создания зоны свободной торговли применительно к России преследует цель «через заднюю дверь» добиться либерализации российского энергетического сектора, чего Евросоюзу не удастся сделать напрямую.

Что касается проблемы российского эмбарго на поставки мясной продукции из Польши самой по себе, но по ней в анализируемый период была проведена серия консультаций как по двусторонней линии Россия – Польша, так и по линии Россия – КЕС. Кроме того, определенная работа была проведена Комиссией ЕС в Варшаве по выявлению обоснованности российских претензий и проверке мясной продукции, поставляемой в РФ с территории Польши. Стороны несколько продвинулись в урегулировании проблемы. Однако, в декабре 2006 г. – январе 2007 г. вето Варшавы на проект мандата КЕС снято не было.

5.2. Диалог в области сельского хозяйства.

В анализируемый период Россия и ЕС достигли соглашения о продолжении торговли продукцией животного происхождения после 1 января 2007 года, тем самым не допустив возможного дополнительного кризиса в торгово-экономических отношениях. Принципиальная договоренность о продолжении экспорта продукции животного происхождения из ЕС в Россию была достигнута членом КЕС по вопросам здравоохранения М. Киприану и министром сельского хозяйства РФ А. Гордеевым еще 19 декабря 2006 года. Окончательный же Меморандум, регулирующий сельскохозяйственные отношения сторон после присоединения к ЕС Болгарии и Румынии, был подписан 23 января 2007 года.

Как известно, проблема была связана со вступлением 1 января 2007 г. в ЕС Болгарии и Румынии, на сельскохозяйственную продукцию которых Россия наложила эмбарго ввиду ее фитосанитарных качеств. Поскольку сельское хозяйство и внешняя торговля преимущественно входят в исключительную компетенцию Комиссии ЕС и в ЕС существует общий сельскохозяйственный рынок, после вступления новых стран в ЕС Россия могла наложить запрет на импорт всей животноводческой продукции из Евросоюза в целом. Подписанный же в январе 2007 г. Меморандум гарантирует применение законодательства ЕС Болгарией и Румынией и соответствие их действий Меморандуму о взаимопонимании между ЕС и Россией от 2004 года. Эта мера обеспечит продажу на внутреннем рынке ЕС и экспорт в Россию только безопасной

продукции животного происхождения из новых стран-членов.

Кроме того, в ходе подписания сельскохозяйственного Меморандума 23 января 2007 г. комиссаром М. Куприану был поднят вопрос о перспективах снятия российского эмбарго на мясную продукцию из Польши. В частности, комиссар представил письменные гарантии того, что ситуация в Польше соответствует требованиям ЕС и соответствующему Меморандуму между ЕС и Россией.

VI. Политика ЕС в отношении стран Центральной Азии и отношения с Россией.

Потенциальным раздражителем отношений Россия-Евросоюз в период германского председательства может стать стремление Берлина серьезно активизировать сотрудничество ЕС со странами Центральной Азии, причем, опять-таки, в области энергетики. Соответствующая подготовительная работа ФРГ была проведена еще осенью 2006 г., когда глава МИД Германии Ф.В. Штайнмайер совершил турне по всем странам региона и прозондировал перспективы и возможности энергетических диалогов с богатыми энергоресурсами Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном.

В конце января 2007 г. в ходе своего выступления в Европарламенте Ф.В. Штайнмайер осветил основные подходы Берлина к новой политике ЕС в отношении Центральной Азии. В окончательном виде «Центрально-Азиатская инициатива ЕС», согласно плану страны-председателя, должна быть обсуждена весной-летом 2007 г. на основании предложений самого Берлина, КЕС и офиса Верховного представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности, и одобрена в итоговом виде на июньском саммите ЕС – заключительном саммите германского председательства.

По словам главы германского МИД, центрально-азиатский регион представляет для ЕС большой интерес как в энергетической сфере ввиду наличия там богатых запасов нефти и газа, так и в сфере безопасности. При этом, указал Ф.В. Штайнмайер, интерес безопасности имеет для Евросоюза наибольший приоритет. (Другое дело, что соответствие данного утверждения действительности вызывает сомнения). Министр исключил возможность формального распространения на страны Центральной Азии политики «соседства» ЕС. Это исключено даже в отношении Казахстана, официально заявившего о желании присоединиться к данной политике, основываясь на то, что часть (правда, незначительная) территории этой страны географически относится к Европе. Однако, в любом случае, речь идет о начале активного политического, образовательного и культурно-информационного проникновения ЕС в регион, что способно ослабить в нем позиции России.

Несмотря на официальные заявления Берлина, имеются все основания полагать, что главный интерес Евросоюза в целом и Германии в частности в регионе Центральной Азии заключается в энергетике. Регион рассматривается как потенциальный независимый (от России) поставщик энергоресурсов на рынок ЕС. В этой связи новая политика Евросоюза в отношении стран Центральной Азии представляется важным элементом энергетической стратегии ЕС, прежде всего в части диверсификации поставщиков и маршрутов транспортировок энергоносителей.

Известно, что владение российским «Газпромом» экспортной газовой инфраструктуры центрально-азиатских государств вызывает в Брюсселе (и Берлине) серьезное раздражение. Не меньшее недовольство (хотя и скрытое) вызывает в ЕС также тот факт, что весомая доля газа, поставляемого в Евросоюз под видом российского и по российской цене, на деле является центрально-азиатским газом, реэкспортируемым российским газовым монополистом.

В ЕС понимают, что получение независимого доступа к месторождениям региона не только снимет проблему нежелания РФ ликвидировать монополию «Газпрома» на газопроводы, но и серьезно понизит цену на импортируемый странами-членами ЕС газ. Во-первых, центрально-азиатские ресурсы значительно дешевле российских. Во-вторых, ЕС получит возможность выбора, альтернативные же поставщики – Россия и страны ЦА – будут вынуждены конкурировать между собой.

В этой связи уже с 2006 г. КЕС, а также ряд влиятельных стран-членов ЕС, и в первую очередь Германия, продвигают проекты создания транскаспийских газопроводов, ведущих из стран Центральной Азии через Закавказье в ЕС в обход российской территории – проекты «Набукко» и «Транскаспийский». В целях обеспечения поддержки этим проектам со стороны самих центрально-азиатских стран Германия предлагает потенциальным ключевым энергетическим партнерам в регионе значимые дивиденды. Казахстану предложено стратегическое партнерство, а также поддержка его кандидатуры на пост председателя ОБСЕ в 2009 году. На уровне КЕС и Европарламента Берлин активно лоббирует идею заключения нового торгового соглашения с Туркменистаном. После смерти в декабре 2006 г. президента страны С. Ниязова вероятность реализации этой идеи возросли. Наконец, в отношении Узбекистана Германия официально вышла с предложением снятия (по крайней мере частичного) санкций, наложенных на него Советом ЕС после событий в Андижане 2005 года.

Все это представляет собой серьезную опасность интересам России и ее энергетической безопасности. Пока она носит потенциальный характер. И все же, трудно не согласиться с тем, что отношения России и ЕС, а также РФ и Германии в частности, в Центральной Азии все больше переходят в русло конкуренции и даже мягкого соперничества.

Наиболее четко новая политика ЕС в отношении Центральной Азии проявляется применительно к Казахстану. Он является наиболее влиятельным и стабильным государством региона, не находится (в отличие от Узбекистана и Туркменистана) в международной изоляции, а также обладает внушительными запасами энергоресурсов. Кроме того, сама Астана проявляет все большую склонность к проведению многовекторной внешней политики и растущий интерес к сотрудничеству с Евросоюзом.

Зачастую этот интерес вступает в противоречие с интеграционными процессами между Казахстаном и Россией, в первую очередь в рамках ЕвразЭС и Единого экономического пространства. Не ясно, каким образом сочеталась бы российско-казахстанская интеграция в рамках ЕЭП, с одной стороны, и гармонизация законодательства и стандартов Казахстана в ряде областей с законодательством и правилами ЕС, с другой стороны, в случае, если эта страна все же была бы включена в новую политику «соседства» Евросоюза.

В начале декабря 2006 г. состоялся визит в Брюссель президента Казахстана Н. Назарбаева, в ходе которого подробно обсуждались перспективы энергетического сотрудничества сторон. Следует признать, что интерес к интенсификации энергетического взаимодействия Евросоюза и Казахстана носит обоюдный характер. В преддверии своей поездки в Брюссель Н.

Назарбаев открыто заявил о том, что его страна заинтересована в «самостоятельном выходе на европейский энергетический рынок». В ходе же визита лидер этой центрально-азиатской страны предположил, что уже в скором будущем его страна будет поставлять до 20% потребляемого в ЕС газа.

По итогам визита Н. Назарбаев и глава КЕС Ж.М. Баррозу подписали Меморандум о взаимопонимании, который закладывает основы более продвинутого сотрудничества сторон в области энергетики. В частности, Меморандум признает ключевую роль Казахстана как крупного производителя природного газа и нефти в Каспийском регионе и обоюдную заинтересованность ЕС и Казахстана в укреплении сотрудничества в энергетическом секторе. Стороны подчеркнули важную роль Казахстана в содействии политике Европейского Союза по диверсификации поставок энергоносителей. Отмечено, что ЕС приветствует недавнее присоединение Казахстана к нефтепроводу Баку - Тбилиси – Джейхан, что само по себе является недружественным по отношению к РФ шагом Астаны. Документ также содержит «дорожную карту» сотрудничества сторон в области энергетики, включающую в себя регулярный обмен информацией по энергетической политике сторон, сотрудничество в области развития транспортной инфраструктуры и защиты окружающей среды.

По сообщениям казахстанских СМИ, в ходе переговоров глава КЕС Ж.М. Баррозу обратился к президенту РК за поддержкой в развитии транскаспийского-транчерноморского энергетического коридора, через который можно было бы доставлять из Казахстана, Центральной Азии и Кавказа нефтегазовые ресурсы в ЕС в обход России. Судя по всему, данное предложение было воспринято казахстанским президентом положительно. Об этом, в частности, свидетельствует заявление Н. Назарбаева о том, что ЕС и Астана намерены продвинуть новый проект строительства газопровода через Каспийское море, который позволит осуществлять прямые поставки в Европу энергоносителей из стран Центральной Азии через Южный Кавказ и Турцию.

Другим шагом Евросоюза в рамках осуществления новой политики в отношении стран Центральной Азии стало намерение Брюсселя открыть в регионе четыре новых диппредставительства к 2008 г. с целью усилить политическое присутствие и составить конкуренцию другим представленным в ЦА «внешним игрокам» - России, Китаю и США. Соответствующее предложение было направлено в Совет ЕС председательствующей в нем Германией 2 февраля 2007 года. Как прокомментировал его высокопоставленный сотрудник КЕС, «Это предложение нацелено на то, чтобы послать сигнал нашим партнерам – пяти странам региона, а также России, Китаю и США. Мы говорим: смотрите – мы хотим быть здесь и мы хотим здесь работать».

Параллельно германский посол в Узбекистане М. Мейер призвал Евросоюз серьезно усилить численность уже имеющихся в Центральной Азии диппредставительств стран-членов ЕС и КЕС уже к концу текущего года. Это также является наглядной демонстрацией интереса, проявляемого как Евросоюзом в целом (в лице КЕС), так и Германией к данному региону и прежде всего его энергетическим ресурсам.

В соответствии с предложением Берлина, полномасштабные делегации КЕС

предлагается открыть в Астане, Бишкеке, Душанбе и Ташкенте. Что касается Ашхабада, то в документе указывается, что перспективы открытия там делегации Комиссии зависят от курса нового руководства страны. На сегодняшний день «нормальная» делегация КЕС в составе 60 сотрудников имеется в регионе лишь в Алма-Ате, в то время как в Астане, Бишкеке и Душанбе работают небольшие офисы Комиссии с численностью сотрудников менее 10 человек. Обращает на себя внимание, что, в соответствии с германской инициативой, полномасштабную делегацию КЕС в Ташкенте предлагается открыть даже несмотря на то, что в отношении этой страны все еще действуют санкции Евросоюза и Узбекистан считается большинством экспертов, в т.ч. европейских, одной из жесточайших диктатур в мире.

Кроме того, Германия предлагает Евросоюзу установить с руководством стран региона постоянно действующие диалоги, причем в качестве предмета обсуждения открыто называются перспективы строительства новых транскаспийских газопроводов в ЕС, а также политические реформы центрально-азиатских государств и образовательные программы по предотвращению распространения радикального ислама.

Примечательно, что уже в декабре 2006 г. – январе 2007 г. инициатива ФРГ встретила одобрение большинства стран Евросоюза, в том числе тех, что в иных ситуациях особенно скрупулезно отслеживают соблюдение партнерами ЕС демократических стандартов и прав человека – Швецией, Данией, Великобританией и Ирландией. Причем представители этих государств открыто назвали предложение Берлина «хорошим балансом» между энергетическими и гуманитарными интересами Евросоюза в центрально-азиатском регионе. Тем самым, вероятность одобрения данной инициативы на июньском саммите ЕС весьма высока.

Приложение I.

Развитие нефтяного спора России и Белоруссии.

Согласно подписанному 31 декабря 2006 г. соглашению, цена на российский газ для Белоруссии увеличилась вдвое, составив 100 долл. США за 1000 кубометров. При этом Москва, изначально настаивавшая на более значительном повышении цены, в последний момент пошла на существенные уступки Минску, прежде всего стремясь избежать «украинского сценария» января 2006 г. - прерывания поставок газа потребителям в ЕС. Новая цена на газ для Белоруссии по-прежнему как минимум вдвое меньше той, по которой российский газ поставляется в другие соседние с РФ страны – не члены ЕС.

Параллельно, с 1 января 2007 г. Россия привела в норму порядок поставок в Белоруссию нефти, введя на нее экспортные пошлины в размере 180 долл. за тонну (соответствующее решение Правительство РФ приняло заблаговременно – 8 декабря 2006 года). Эта пошлина является одинаковой на экспорт российской нефти во все другие страны. Ее введение было полностью обоснованным, так как до 2007 г. Белоруссия оставалась единственным государством, которому российская нефть поставлялась без взимания экспортной пошлины. Дешевая российская нефть в дальнейшем частично перерабатывалась на нефтеперерабатывающих заводах Белоруссии и реэкспортировалась в страны Запада по гораздо более высокой цене. Тем самым, получалось серьезное спонсирование РФ белорусской экономики. Страны ЕС и США в этой связи не единожды призывали Россию отказаться от льготного режима в отношении Минска и уравнивать режим экспорта нефти через Белоруссию к режиму, действующему в отношении всех других стран. Тем самым, введение российской стороной экспортной пошлины должно было вызвать одобрение в Евросоюзе и улучшить климат его энергетических отношений с Россией, сняв один из давних раздражителей.

Следует также отметить, что поводом к введению экспортной пошлины стало многолетнее нарушение белорусской стороной договоренностей с Россией, в соответствии с которыми экспортные пошлины по поставке нефти и нефтепродуктов в третьи страны должны подразделяться между Москвой и Минском. Однако, с 1998 года Белоруссия явочным порядком перестала осуществлять такие платежи, а с 2000-го года в одностороннем порядке прекратила действие соглашения по разделению этих пошлин. В результате, по оценкам МЭРиТ РФ, Россия потеряла несколько миллиардов долларов США. Тем самым, введение пошлины стало не только своевременной, но давно уже необходимой мерой восстановления правопорядка в энергетических отношениях с Белоруссией.

Однако, в самом Минске эти решения российской стороны вызвали бурное раздражение. В качестве ответной меры Совет министров Белоруссии ввел специальный сбор за таможенное оформление нефти, проходящей по ее территории, составивший 45 долл. за тонну. Примечательно, что данный сбор был введен в начале января 2007 г., однако вступил в силу с 31 декабря 2006 года. То есть, в нарушение всех правил международных расчетов был введен «задним числом». Минск не скрывал, что эта мера является ответной: «Введение пошлины является ответной мерой белорусской стороны в связи с ранее принятым правительством России решением о применении ставок

вывозных пошлин в отношении нефти ввозимой в республику», - говорится в заявлении МИД Белоруссии. При этом сразу указывалось, что Минск готов отменить таможенные пошлины за транзит нефти, если Россия согласится на отмену экспортных пошлин на нефть для Белоруссии.

Надо сказать, аргументация Белоруссии противоречила сама себе. С одной стороны, премьер-министр страны С. Сидорский назвал введенный Минском платеж «таможенной пошлиной за транзит нефти по нефтепроводу, находящемуся в собственности Белоруссии». С другой стороны, Совмин страны спустя пять дней после этого решения в своем комментарии объявил, что данный сбор таможенным платежом не является. Возникает впечатление, что белорусская сторона сама не имеет ясного представления о том, какую именно юридическую базу подвести под установленный сбор, и что цель Минска заключается в получении денежных средств любыми способами.

В Москве введение Минском таможенной пошлины было вполне справедливо названо незаконным и противоречащим и двусторонним российско-белорусским соглашениям, и белорусскому внутреннему законодательству, и международной практике. Действительно, в соответствии с двусторонним соглашением о свободной торговле от 13 ноября 1992 г., каждая сторона должна обеспечить беспрепятственный транзит через ее территорию товаров, происходящих с таможенной территории другой стороны. Кроме того, согласно соглашению о единых условиях транзита через территории государств-участников таможенного союза от 22 января 1998 г., товары, находящиеся в транзите, освобождаются от уплаты таможенных пошлин, налогов и сборов за таможенное оформление, а также от применения к товарам мер экономической политики.

Соответственно, российская сторона отказалась уплачивать данный таможенный сбор, а также потребовала от Белоруссии незамедлительно отменить решение о его введении, пригрозив при этом торгово-экономическими санкциями и аналогичными «адекватными мерами». При этом отмена белорусской стороной данных сборов было названо в Москве обязательным предварительным условием для каких бы то ни было дальнейших переговоров с Минском.

Однако, вместо того, чтобы выполнить данное требование в соответствии с международным правом, Белоруссия приступила с 6 января 2007 г. к незаконному отбору предназначенной для экспорта в ЕС российской нефти «в счет» уплаты данной пошлины. Всего с 6 до 8 января было незаконно отобрано около 79 тыс. тонн экспортной российской нефти. Одновременно Минск пошел на еще большее обострение конфликта с Россией, заведя уголовное дело против главы российской компании «Транснефть» С. Вайнштока за то, что с 1 по 5 января 2007 г. эта компания осуществляла транспортировку нефти по территории Белоруссии «в нарушение действующих правил ее оформления», то есть без уплаты введенных задним числом таможенных пошлин.

Видя явное нежелание России идти на уступку и уплачивать эту пошлину, а также ее требование отменить ее в качестве условия для дальнейших консультаций, белорусская сторона приняла решение прекратить транзит российской нефти в ЕС по ее территории вообще с утра 8 января 2007 года. Судя по первоначальной реакции польской стороны, поставки по проходящему

по белорусской территории нефтепроводу «Дружба» были прекращены белорусской компанией «Гомельтранснефть». В частности, об этом сообщил польский оператор трубопроводов PERN, который отвечает за прокачку нефти. В свою очередь, «Гомельтранснефть» ссылается на указание правительства страны. Как заявил представитель компании 8 января, «Нефтепровод не осуществляет прокачку нефти в направлении Польши, Германии и Украины по распоряжению концерна «Белнефтехим». Последний принадлежит белорусскому государству. Одновременно с этим Белоруссия направила в Москву бумаги о том, что позволит прокачку транзитной нефти по своей территории исключительно в случае согласия РФ платить введенную ей незаконную таможенную пошлину. Об этом, в частности, заявил вице-президент компании «Транснефть» С. Григорьев.

Однако, параллельно с Белоруссией, решение о прекращении поставок нефти по трубопроводу «Дружба» было принято и российской стороной. По словам С. Григорьева, российская государственная нефтяная компания была вынуждена понижать транзитные поставки нефти на количество, равно тому, что Белоруссия незаконно отбирала в качестве уплаты своей таможенной пошлины. «Потом мы достигли точки, где были вынуждены полностью прекратить поставки», - заявил вице-президент «Транснефти».

Соответственно, возникло впечатление, что непосредственным виновником прекращения поставок является не Белоруссия, а Россия, принявшая решение перекрыть вентиль, столкнувшись с отборами белорусской стороны. Именно эта точка зрения, сформировавшаяся на основе заявления С. Григорьева, стала доминирующей в странах ЕС и США в плане оценки причин нефтяного кризиса. На самом же деле прекращение поставок нефти в ЕС 8 января было принято обеими сторонами – и Россией, и Белоруссией - параллельно.

Однако, в целом нельзя не согласиться, что ситуация прерывания поставок нефти была специально смоделирована Минском в целях «наказания» своего единственного политического союзника, главного торгово-экономического партнера и спонсора. На фоне тех усилий и уступок со стороны Москвы, которые она предприняла в декабре 2006 г. в целях гарантирования бесперебойности газовых поставок в ЕС, эти действия представляются особенно недружественными, если не сказать враждебными, по отношению к России. При этом если Белоруссия перешла к откровенному шантажу России прерыванием поставок нефти в страны ЕС, то сама РФ стремилась всячески компенсировать возникший перебой. Так, по словам главы «Транснефти» С. Вайнштока, уже с начала 2007 г. предпринимались меры в целях увеличения экспорта нефти по другим направлениям. В частности мощности приморского направления (Ленинградская область) доведены до уровня 76,5 млн тонн в год.

Приложение II.

Развитие газового спора России и Белоруссии в декабре 2006 года.

Новая цена российского газа для Белоруссии, по мнению Москвы, должна была составить с 1 января 2007 г. 200 долл. за 1000 кубометров, что являлось бы существенным увеличением по сравнению с ценой в 45 долл., действовавшей в 2006 году. В дальнейшем Россия предложила Белоруссии типичный компромиссный вариант, уже успешно апробированный на примере других стран бывшего СССР (Армения). А именно - покупать газ по цене не 200, а 110 долл. за 1000 кубометров, однако при этом продать «Газпрому» 50% акций белорусского газотранспортного монополиста «Белтрансгаз» в счет того, чтобы остаточная цена на газ была по силам белорусскому бюджету. Тем самым, Россия и переводила бы экономические отношения с западным соседом на рыночные рельсы понижая содержащуюся в них долю политики, и консолидировала бы контроль над транспортной энергетической инфраструктурой бывшего СССР.

Со своей стороны, Минск предложил перенести окончательный перевод энергетических отношений с Москвой на рыночные рельсы до 2010 г., а цену на 2007 г. назначить в размере 75 долл. за 1000 кубометров газа. Это предложение российскую сторону, разумеется, не устроило. Кроме того, Минск заявил о намерении серьезно повысить стоимость транзита российского газа в ЕС по собственной территории. При этом, в отличие от Киева, который в 2005-2006 гг. был согласен перейти на рыночные отношения с Москвой в принципе, Минск стал спекулировать союзническими отношениями с Россией в целом, озвучивая тем самым еще более резкую антироссийскую риторику и угрожая РФ «переориентироваться на Запад».

В дальнейшем в ходе трудных переговоров Белоруссия согласилась с предложенной РФ схемой в принципе, однако категорически не соглашалась в вопросах цены на газ и стоимости государственного предприятия «Белтрансгаз». Названную Минском стоимость белорусского монополиста в 5 млрд. долл. в Москве сочли серьезно завышенной. Кроме того, российская сторона настаивала на продаже Белоруссии газа с 2007 г. по цене 110 долл. за 100 кубометров, в то время как Белоруссия готова была платить лишь 75 долларов.

В результате вновь возникла реальная угроза того, что 1 января 2007 г. контракт на поставки российского газа подписан не будет и, соответственно, для белорусских потребителей они будут прекращены. Это, в свою очередь, могло привести к несанкционированным отборам Минском транзитного газа в своих нуждах и, соответственно, перебоям в его получении потребителями в государствах-членах Евросоюза. Примечательно, что за несколько дней до Нового года (27 декабря) Белоруссия в лице вице-премьера правительства В.Семашко открыто объявила о том, что будет отбирать транзитный газ в случае, если новый контракт так и не будет подписан, а оплачивать поставки будет по прежней цене.

Более того, в дальнейшем белорусская сторона и вовсе пригрозила собственным

решением прекратить транзит российского газа в страны Евросоюза. Как заявил В. Семашко, в случае, если не будет подписано нового контракта на поставки российского газа в Белоруссию, не будет подписано и контракта на транзит. А, следовательно, не будет и самого транзита.

Сложившаяся накануне Нового года ситуация, напоминавшая повторение прошлогоднего перебоя в поставках газа через Украину, вызвала в ЕС серьезное беспокойство. Надо сказать, в случае, если бы Минск действительно перекрыл транзит газа, или же приступил к масштабному незаконному отбору, ущерб потребителям в ЕС был бы нанесен гораздо меньших масштабов, нежели в случае с украинским кризисом января 2006 года. по газопроводу «Ямал-Европа», проходящему по территории Белоруссии, поставляется лишь 20% российского газового экспорта в ЕС (для сравнения, через Украину – 80%). Газопровод имеет ответвления в Польшу, Германию, Нидерланды, Францию и Бельгию. При этом наибольший ущерб в случае перебоев в поставках понесли бы Польша и Германия. И тем не менее, даже он был бы в разы меньшим, нежели последствия перебоя в январе 2006 года.

И все же, перспектива зеркального повторения газового кризиса, пусть и в уменьшенном масштабе, вызвала в ЕС вопросы о надежности постсоветского направления в целом, а также серьезное раздражение. Часть политической элиты в Евросоюзе попытались представить ситуацию так, будто Россия в очередной раз решает свои политические проблемы в отношениях с соседями за счет европейских потребителей. И все же, степень критики была несопоставима с той, что раздавалась в адрес России годом ранее. Гораздо больший упор в ЕС делался на то, что серьезного ущерба европейской экономике нанесено не будет, и что повода для панических настроений нет.

28 декабря 2006 г. – после очередного провала российско-белорусских переговоров – Комиссия ЕС в лице комиссара по энергетике А. Пиебалгса призвала Россию и Белоруссию придти к компромиссу в кратчайшие сроки и не допускать угрозу транзита газа в ЕС. С аналогичным заявлением выступил М. Глосс - министр экономики Германии, к которой председательство в ЕС переходило с 1 января 2007 года. При этом министр подчеркнул, что только подписание соглашения до Нового года «докажет надежность России и Белоруссии как поставщика и транзитной страны».

Надо сказать, в отличие от российско-украинского газового спора 2005-2006 гг., информационное сопровождение которого отличалось колоссальной неэффективностью, в случае с Белоруссией Москва повела себя более тонко и профессионально. За несколько дней до истечения контракта и, соответственно, приостановки прокачки российского газа для белорусских потребителей, после очередного провала российско-белорусских переговоров по газу, Москва официально обратилась к Евросоюзу, проинформировала его представителей о состоянии дел и предупредила о возможных перебоях. Кроме того, на этот раз со стороны части российских политических комментаторов не звучали призывы «наказать» Минск за проведение «не той» политики.